

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КОЧЕРОВСКИЙ

ПРИЕМНЫЙ

Если ты не такой, как все, то может быть, тебе повезло...

Артем Петрович Кочеровский
Приемный
Серия «Приемный», книга 1
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67957377

Приемный: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146086-0

Аннотация

Судьба была неблагоприятна к нему с самого детства. Отказ родителей, жизнь в интернате, жестокость детей и быстрое взросление. Ему исполнилось двенадцать. Ритуал высвобождения энергии подарил детям энергию и способности, а ему – болезнь и клеймо в виде унижительного прозвища. В шестнадцать забрезжил свет надежды, но также быстро погас, выбросив его на улицы города. Едва ли подросток без энергии способен прожить там дольше недели, но... Что, если его отличие от других только на первый взгляд кажется изъяном?

Содержание

Глава 1. Ритуал высвобождения	5
Глава 2. Бракованный	13
Глава 3. Сергей	30
Глава 4. День первый	44
Глава 5. Иксы	58
Глава 6. В гостевом доме	73
Глава 7. Сфера	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Артем Кочеровский

Приемный

© Артем Кочеровский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1. Ритуал высвобождения

В двенадцать лет каждый ребёнок проходит через ритуал высвобождения. Готовятся к нему заранее. Одни родители водят ребёнка к психологу, другие – отдают на занятия йогой, третьи, как правило напористые папаши, тащат детей в тренажёрный зал, надеясь, что их физическая крепость повлияет на исход высвобождения. Ну не бред ли?

Пусть учёные до сих пор не разобрались в природе энергии, но почему бы не поверить статистике? Статистика уже миллионы раз доказала, что вид высвобождаемой энергии никак не связан ни с крепостью характера, ни с физической силой.

С другой стороны, ритуал высвобождения – не самая приятная процедура. Мало того что ребёнок испытывает боль, так иногда за болью следует разочарование. К примеру, один ребёнок хотел получить энергию воздействия, а получил – сохранения. И наоборот. В таком случае опека родителей не будет лишней, да и мнимая надежда не помешает. По той же причине в день высвобождения энергии родители дарят детям подарки – возмещают страдания. Я бы тоже не отказался от подарка, но в интернате всё по-другому...

Мне было двенадцать с половиной. Я и все мои одноклассники доросли до возраста высвобождения, за исключением Окурка. Ему двенадцать лет исполнялось только во втором

полугодии, и всем нам приходилось ждать, потому как Возвышенный приезжал только раз в год и проводил общий ритуал для всего класса.

Двадцать девять человек сгорали от нетерпения пройти ритуал и косо поглядывали на Окурка – Быкова Антона. Парень провинился в том, что родился позже остальных. Этого было достаточно, чтобы его возненавидеть.

До одиннадцати лет Антоха ладил с ребятами и даже нашёл себе место в отряде, но чёртов поздний день рождения всё испортил. Первый месяц над ним подшучивали, второй – укоризненно смотрели и обговаривали, в третий – задирали. В конечном счёте Быкова прозвали Бычком, а после – Окурком. Он и оглянуться не успел, как в столовой его отсадили за стол для изгоев и определили лохом.

День, когда Окурку исполнилось двенадцать, праздновали всем классом. Всем было плевать на Антоху, просто воспитательница сказала, что в этот день приедет Возвышенный.

То был отличный день. Светило солнце, по небу плыли редкие облака, пахло цветущей сиренью. На задний двор мы вышли в чистой и выглаженной школьной форме. Никто не гонял мяч и не висел на турниках.

Представляя себя шишками крутых кланов, мы медленно расхаживали по площадке, сунув руки в брюки и поправляя пиджаки. Каждый из нас мечтал получить способности и вообразил, как круто изменится его жизнь. Напускное спокойствие испарилось, когда на задний двор выбежала воспита-

тельница и дрожащим голосом произнесла:

– Приехал...

На площадке воцарился настоящий хаос. Нас просили успокоиться, но успокоиться не получилось. С минуты на минуту мы должны были получить силы и ломанулись в двери. Воспитательница попробовала нас остановить. Но не тут-то было. Мы протащили её через весь коридор и по инерции затолкали в актальный зал.

Про отрепетированную расстановку никто не вспомнил, и вместо трёх рядов мы сбились в один, потому как все хотели стоять ближе к Возвышенному.

Возвышенный приезжал в интернат каждый год, но прежде я никогда не задумывался о том, как он выглядит. Думаю, я ожидал увидеть старика в монашеской рясе с длинной бородой. Но ритмичный стук каблуков, что доносился из коридора, не вязался с моим представлением.

Бороды у него не было. Молодой. Монашеской рясе предпочитал приталенный чёрный костюм. Увидев Возвышенного, охнул не только я, но и остальные двадцать девять ртов. Он точь-в-точь походил на тех крутых парней из элитных кланов, о которых мы так много читали в комиксах. Высокий, короткие волосы, худое лицо с острыми скулами, идеальная осанка. Его взгляд – испепеляющий лазер, движения плеч – смертельная грация, стук каблуков – приговор.

Секунду назад мы галдели, били друг друга в плечи и боролись за лучшие места впереди, но спустя миг замерли, не

в силах пошевелиться. Он вошёл в центр зала и встал перед нами.

Возвышенный смотрел на нас, как на взрослых. Скользил взглядом, натёкался на ребёнка, но не одаривал его миловидной улыбкой, как это делали десятки других людей, выступающих в зале, а устанавливал контакт. Испытав такой взгляд на себе, я напрягся. И почувствовал крайнее облегчение, когда взгляд проследовал дальше.

У двери в актовъй зал скопились воспитатели и директор. По какой-то причине они не успели занять свои места и уже не решались проскочить, чтобы не попадаться на глаза столь важному гостю.

Возвышенный расставил ноги на ширину плеч и на секунду прикрыл глаза. В следующий миг вокруг его тела подсветилась красная аура.

– Приготовьтесь, – сухо сказал он.

Помню, как он выпустил из рук красную волну, которая подобно морской, прокатилась по залу, обдавая нас с ног до головы теплом. Я закрыл глаза и сжал кулаки. Приготовился терпеть боль, но боли не последовало. В груди едва заметно запекло, чего я совсем не ожидал. И этим нас пугали старшеклассники? Таких ритуалов я хоть пять штук выдержу! Вскоре тепло исчезло, и я с ужасом осознал, что чувствовал не свою энергию, а энергию, оставшуюся от волны Возвышенного.

Открыл глаза. Двадцать девять моих одноклассников рас-

качивались и тряслись, словно молодые деревья под напором ураганного ветра. Они корчились от боли, краснели и пускали слюни. Не прошло и минуты, как они застелили пол в актовом зале своими телами.

Не понимая, что происходит, я посмотрел сначала на воспитателей, а затем – на Возвышенного. Волна прошла мимо меня? Или её было недостаточно? Можно ли повторить ритуал?

Возвышенный встретился со мной взглядом, пожал плечами и пошёл к выходу. Я хотел догнать его, но меня остановила острая боль в висках. Она продлилась всего секунду, после чего закружилась голова и затуманилось зрение. Я сделал шаг и чуть не упал. Со зрением стало совсем плохо. Всё казалось чересчур резким. Любой угол, рельеф или изгиб бросался в глаза. Сфокусировав зрение на одном предмете, я не видел остальные, а стоило посмотреть вдаль, как скоп всех предметов разом атаковал меня, будто сотни вспышек фотоаппаратов.

Собравшись с силами и сощуриив глаза до миллиметровой щелочки, я посмотрел на воспитательниц. Это было непросто, но я различил сочувствующий взгляд Кати, а затем и прочитал сказанное ею по губам:

– Бракованный...

День высвобождения энергии поставил на моей жизни крест. Немногие воспитанники интернатов могут похвастаться светлым будущим. Лишь единицам удаётся найти своё место в жизни и добиться успеха, но без энергии это... Это как инвалиду соревноваться с олимпийцами.

К слову, я оказался первым бракованным ребёнком за всю историю работы интерната, а детей в этих стенах воспитывали больше сотни лет. Брак случался столь редко, что в общей статистике случаев его даже не отмечали отдельным графиком, а показывали припиской, где вероятность измерялась миллионными долями процента.

Беда не пришла одна. Если моих одноклассников ритуал пробуждения сделал сильнее и лучше, то меня – наоборот. Мало того что я не получил силы, так обзавёлся болезнью. Приступы с поломанным зрением случались нечасто, но, как правило, в самые неподходящие моменты. Стоило мне выйти из равновесия – разнервничаться, испугаться или разозлиться, как я терял контроль над глазами. Предметы становились слишком яркими, резкими и агрессивными. Глядя в таком состоянии на горочку разноцветных карандашей, мне казалось, что прямо передо мной горят бенгальские огни, взрывается салют и мерцает дуга от сварочного электрода.

Доктор обозвал мои приступы приступами паники и назначил маленькие коричневые таблетки, которые пахли травой и ничуть не помогали. Чтобы прекратить приступ, мне требовалось закрыть глаза и успокоиться. Но сказать легче, чем сделать. Приступы случались в моменты эмоциональных взрывов. Часто ли у меня получалось быстро успокоиться? Никогда.

Ждать, когда одноклассники и старшаки почувствуют превосходство, пришлось недолго. Первое время они делали вид, что сочувствуют. Хлопали по плечу и подбадривали, но мало-помалу защитная аура «неудачника» сошла на нет. Интернат – не то место, где жалеют слабых. Не прошло и месяца, как я услышал дерзость от тех, кто раньше меня боялся, и отстранённость в словах бывших друзей. Тучи сгущались, и я не видел просвета, потому как была ещё одна проблема...

Энергия раскладывалась на много подвидов, но, если не вдаваться в детали, то выделить можно два основных: энергия воздействия и энергия сохранения. В народе её называли просто – красная и зелёная. Многие родители хотели иметь детей с определенной энергией. Быть уверенными, что их чадо продолжит семейное дело или закроет бреши. Будущие семьи присматривались к детям заранее, дожидались ритуала высвобождения и только после этого делали свой выбор в пользу того или иного ребёнка. Я, как и все, ждал двенадцати лет и намеревался уйти в семью. Но клеймо бракованного наглухо закрыло двери в счастливый мир.

И что же делать дальше? Обычно парни, которых до шестнадцати лет не забирали в семьи, убегали. Некоторым удавалось найти работу или прибиться к мелкой шайке. Этот вариант я тоже не рассматривал. Зачем кому-то делиться со мной едой и кровом, если даже с возрастом я не отплачу делом? В конечном счете мне ничего не оставалось, кроме как расти, ждать наступления совершеннолетия и бояться будущего...

Глава 2. Бракованный

Итак, в двенадцать лет мои сверстники получили способности, а я – нет. Из этого можно было сделать вывод, что в скором времени я стану новым Окурком. На Антона злились из-за позднего дня рождения, меня же презирали из-за отсутствие силы. Характер негатива неважен, итог один – рано или поздно кто-то захочет ударить меня в лицо. Почему? Потому что может.

Раньше меня называли Данил, Даня, ну или по фамилии – Огинский. Теперь же в коридорах всё чаще звучало Бракованный. Пока я слышал это только за спиной, но то было вопросом времени.

Понимая, что моя репутация, а значит и жизнь, катятся в помойку, я встал перед выбором – сдать и потонуть под волной проблем или ещё побарахтаться. Интернат давал детям хреновое образование, но неплохие жизненные уроки. Один я выучил особенно хорошо. Сдаться – никогда не поздно, но прежде убедись, что сделал всё возможное.

Вместо того чтобы распускать нюни и цепляться за отвернувшихся друзей, я пошел... в спортзал. Именно. В отличие от моих сверстников, которые использовали интернет как место, где можно выложить фотки, попереписываться и посмотреть женские прелести, я иногда читал образовательные статьи. И потому знал: энергия, что высвобождается в

теле сразу после ритуала, слишком слабая и почти не делает человека сильнее. Ребятам перепало по парочке аур и способностей, но на первых порах они были ничем иным, как просто фокусами.

Энергия развивалась либо с возрастом, либо с постоянной практикой, а так как занятий по развитию энергии в интернате не было, значит, оставалось только время. Его-то я и собирался притормозить. Если усиленно заниматься, наращивать мышечную массу и тренировать выносливость, то какое-то время я буду идти с ними вровень.

Природа не наделила меня крепостью и массой. Среднего роста, но жилистый. Так говорил физрук. Тем не менее с должной мотивацией, коей у меня было хоть отбавляй, я быстро освоился на турниках, брусьях и гимнастических кольцах. Отжимания по утрам стали такой же нормой, как чистка зубов, а пробежки – вторым завтраком.

Два года жизни после высвобождения энергии прошли... хорошо. По правде сказать, их можно было назвать моим триумфом. Я не только отбил от нападков сверстников, но и укрепил свой авторитет. По-прежнему держал за собой место в столовой и не позволял называть себя Бракованным. Была пара старшаков, но те грубили не только в мою сторону. Терпимо.

Пока ребята светили друг перед другом способностями и мерились аурами, я закалял тело и дух. Примерно раз в месяц находился смельчак, который бросал мне вызов. Сбивал

на футболе, подрезал в коридоре или якобы случайно скидывал со стола тетради. На такие выпады я отвечал жёстко. Не обращая внимания на пафос и красное свечение, бил в лицо и осаживал на задницу. Потому как знал – стоит дать слабину, и они насядут так, что уже не вывезешь.

Натренированное тело ни разу меня не подводило. Чего не скажешь про приступы. Любой конфликт вёл за собой эмоциональный всплеск. Раз на раз не приходилось. В прошлом месяце, когда я сцепился с Серёгой, приступ прошёл едва начавшись. А в следующем месяце я рисковал получить от задохлика Вани, потому что почти ослеп, когда началась потасовка.

В интернете про свою болезнь я ничего не нашёл. Хотя нет. Я нашёл много всего, но, если бы принял на свой счёт хоть один процент от прочитанного, мог бы смело сдаваться в психушку. Дабы не погрязнуть в сомнениях, я отметал всё, что хоть немного отличалось симптоматикой. И в конечном счёте вычеркнул все болезни. Поиски чудо-лекарства закончились неудачей. Вместо этого я взял на вооружение приём, который помогал при любых эмоциональных всплесках – посчитать до десяти. Удивительно, но этот простой приём в корне изменил моё представление о болезни.

Несмотря на мои успехи, ведь я отбивал одно нападение за другим, будь оно словесное или физическое, я всегда чувствовал угрозу. И это не было паранойей. Не просто же так половина всех конфликтов в нашем классе проходила с мо-

им участием? Меня уважали, побаивались, относились настороженно, но это не отменяло того факта, что я... Бракованный. Я походил на смертельно раненного льва, вокруг которого крутились гиены. Они не осмеливались вызвать льва на честный поединок, но покусывали за лапы и проверяли, как долго он ещё продержится.

* * *

В среду последним уроком была физкультура. Мы размялись, сдали норматив на стометровку, оставшееся время играли в футбол. Время вышло, и физрук выгнал нас с площадки. Понимая, что спешить на следующий урок нам не нужно, мы побрели в раздевалку.

За два года я привык чувствовать прессинг и давление. Свыкся. Как влюблённый в любое время дня и ночи посвящал часть мыслей своей избранной или спортсмены раз за разом прокручивали в голове триумф будущих побед, так я думал о защите. Мысли стали незаметными и ненавязчивыми, будто программа, которая работала в фоновом режиме.

Со временем я составил для себя список мест и ситуаций, где вероятность конфликта возрастала. Раздевалка была таким местом. Спортивная одежда вместо школьной формы, удобная обувь, физические нагрузки и горечь в теле. Атмосфера способствовала.

С вытоптанного стадиона, на котором лишь по бокам

осталась трава, я дошёл до спортзала. Здание интерната было довольно старым, но деньги здесь водились. Иногда детей брали в клановые или просто богатые семьи, которые оставляли очень щедрые пожертвования. Разумеется, сделать ремонт разом не могли, ведь дети жили в интернате круглогодично. Потому подлатывали кусками. Спортзалом занялись недавно. Закончили ремонт снаружи и хотели за лето обновить внутренку, но пока вошедших встречал деревянный пол, осыпавшийся потолок и шесть рабочих плафонов из десяти.

Нырнув в спортзал, я пробежал вдоль волейбольно-баскетбольной площадки и одним из первых вошёл в коридор к раздевалке. Я делал так всегда. По-быстрому переодевался и уходил, чтобы лишний раз не испытывать удачу. Так должно было случиться и на этот раз, но в темноте коридора я увидел красное плечо и почувствовал удар, от которого меня развернуло почти в полный оборот.

Вскакивая на ноги, я корил себя, что прозевал нападение. Выпрямился, разглядел соперника и понял – почему. Раевский Влад – парень из младшего класса. У них урок физкультуры только начинался, и они выходили из раздевалки. Прежде я не ждал опасности от младших, поэтому и упустил момент.

Пока я вставал, сзади подтянулись мои одноклассники, и я увидел хищные улыбки на их лицах. Готов поспорить, что всего один толчок малого, который сбил Бракованного, по-

родит много разговоров и сплетен. Одноклассники Раевского так и вовсе в открытую заржали.

– Ты чего падаешь-то сразу?! Я же еле дотронулся! – гоготнул Раевский. – Бракованный, что ли?!

Коридор раздевалки залил смех. Ржали не только одноклассники Раевского, но и мои. Кто-то подставил ладонь, Раевский отвесил смачную пятню и двинул дальше по коридору.

Нужно было срочно что-то делать. Я столько времени держал оборону перед ровесниками, но пропустил от малого, и тот удалялся по коридору победителем. Раньше я никогда не позволял себе поднимать руку на младших. Считал это подлым и нечестным, но этот малой заслужил. Причем заслужил не только подзатыльника. Боюсь, но здесь не обойдётся без разбитого носа, а может, и выбитого зуба. Если спустить это на тормозах, то на ужине можно брать поднос и идти за стол к изгоям.

Понимая, что медлить нельзя, я сжал кулаки и рванул за Раевским. Представлял, как разверну его, дёрнув за плечо, и пару раз съезжу по лицу, но стоило сделать шаг, как мир вокруг зарябил. Очертания людей в тусклом свете коридора смешались, в глазах задвоилось. Кто-то вытащил телефон, и свет экрана ударил меня, словно прожектором. У меня начался приступ. Раевский, которого окликнули одноклассники, занял боевую стойку. Его кулаки подсветились красным, и этот свет добил меня окончательно.

Я крепко стоял на ногах, чувствовал силу в теле и веру в себя, но едва ли мог что-то сделать. Со всех сторон доносился хохот. В меня уткнулись десятки пальцев.

Тогда-то я и попробовал дыхательные упражнения. Прикрыл глаза и повёл счет от одного до десяти. Следом случилось что-то непонятное. Все те объекты, которые лезли в глаза, начали упорядочиваться. Я посчитал до двух, и образы двух моих одноклассников стали чуть менее резкими. Всё вокруг по-прежнему сияло, будто мозаика на солнце, но этих двоих я будто обезвредил. Считая до четырёх, я сфокусировался на руке одноклассника. Его четыре оттопыренных пальца вернули себе нормальный вид на фоне творящегося безумия. Тогда я сложил пальцы с двумя телами и досчитал до шести. Семёркой стала разница между десятью пальцами на руках и тремя полосками на штанах Раевского, а восьмёрка – шестнадцать силуэтов детей в мрачном коридоре, делённая на две тусклые лампочки. Каким-то образом мой счёт до десяти превратился в математическую игру и решение мною же выдуманных задач. Девяткой стал квадрат из трёх дырок в линолеуме, а десяткой – сумма кабинетов на схеме эвакуации.

Всё то, что участвовало в моих расчётах, становилось менее броским. Приступ сходил на нет, но, к сожалению, не так быстро, как хотелось...

Очухался я, когда мои одноклассники ушли в раздевалку, а Раевский – на занятия. Заглянул в спортзал, но было

уже слишком поздно, Раевский и его класс выстроились в шеренгу перед физруком. Их урок начался.

Вернувшись в раздевалку, я услышал пару шуток в свой адрес и увидел много удовлетворённых взглядов. Гиены почувствовали слабость льва...

* * *

Следующий год жизни в интернате не выглядел таким же удачным, как два предыдущих. Я продолжал заниматься, но время брало своё. Сила ребят увеличивалась.

Время с четырнадцати до пятнадцати тянулось в разы медленнее, чем два года ранее. Выходка Раевского пускай и повлияла на общую ситуацию, но едва ли мне нужно было винить именно его. Не он, так кто-то другой оказался бы на его месте.

В течение следующего года я растерял лидерские позиции и затесался в стан середняков. Ничего плохого, учитывая, что эти игры в крутых парней и фриков меня никогда не забавляли. Получи я хотя бы зелёную энергию, которая годится только на целебные ауры и другие штуки подобного рода, не стал бы и пальцем шевелить ради своей репутации.

Три четверти моих одноклассников ушли в семьи. Многие из них учились хуже, да и не отличались примерным поведением, а значит, мои шансы на приёмную семью были выше. Но ко мне никто не пришёл, хотя на предварительных

встречах и собраниях знакомств я пользовался популярностью. Хорошо сложенный, не урод, смыслённый. Дайте мне любую энергию, и я стал бы образцовым приёмным ребёнком. К несчастью, случилось то, что случилось. И с тех пор о своей репутации и месте в обществе я должен был заботиться больше, чем обо всём остальном.

Я продолжал заниматься, поддерживал форму, но с каждым днём мои усилия обесценивались. Со дня высвобождения энергии прошло три года. Из фокусников и выпендрёжников ребята доросли до подростков с малыми способностями. Тех, кого судьба наделила зелёной энергией, я не боялся. При достаточном развитии и постоянной практике можно и энергию сохранения использовать как оружие, но подобное не светило детям в интернате. Проблемой становились красные. Несмотря на тренировки и прилагаемые усилия, я за ними не поспевал. А ведь им и делать ничего не нужно было. Энергия росла и развивалась сама по себе, делая их сильнее.

До пятнадцати мне удавалось избегать стычек, но уже ценной репутации. Если вокруг меня назревала какая-то шумиха, то я всё чаще давал заднюю. Немногие попытки утереть нос выскочкам закончились неудачно. Оправиться после удара в грудь с добавлением энергии можно, а вот подставиться под такой удар во второй раз – рисковать стать инвалидом.

После пятнадцати всё стало ещё хуже. Прежние друзья окончательно отвернулись, я потерял место в футбольной

команде и пересел за парту к Бакунину – картавому бедняге, которого последние пять лет гнобили из-за вшей. Несмотря на говёную репутацию Бакунина, тот скривил недовольную мину, когда к нему подсел я. Я хорошо запомнил его лицо и понял – это уже не просто тревожный звоночек, а настоящий горн, который трубил мне о приближении конца.

По фамилии и имени меня называли только воспитатели и учителя, для остальных я окончательно стал Бракованным. Иногда меня так и подталкивало разбить кому-нибудь нос, когда тот смел говорить мне это в лицо, но я вовремя вспоминал о силе. Спустя три года энергия скопилась не только у моих одноклассников. Младшие тоже стали сильнее.

Физкультура, которую я прежде так любил, стала самым ненавистным уроком. Выполнив нормативы и разминку, мы шли на стадион, куда никогда не ходил физрук. Подростки на полчаса предоставлялись сами себе, где всё меньше играли в футбол и всё больше играли с энергией. Пинали усиленными ударами мяч, боролись или просто щеголяли друг перед другом способностями. Когда им для экспериментов требовался человек, взгляды падали на меня. Во мне осталось достаточно гордости, чтобы послать их на хрен, а в них было достаточно сил, чтобы применить свои навыки без разрешения. Мои постоянные отказы и упорство стали даже какого-то рода забавой для них. Выходя на стадион, они уже спорили, кто и как будет наказывать Бракованного за неповиновение.

Несмотря на постоянные притеснения, я не смирился. Неожиданно поверившие в себя выскочки, которые хотели проверить на мне свои силы, по-прежнему получали по морде. Со стороны стычка двух парней, один из которых на два года старше другого, вряд ли выглядела честно, но в моём случае это было нечестно по отношению ко мне. Раньше я бы дал такому сопляку подзатыльника и пнул ногой, сейчас – рубился с ним из последних сил, падая на землю после, казалось бы, никчемных, но подсвеченных красным светом ударов. Иногда мне удавалось отбиться. Наглецы с расквашенными носами и синяками потом долго обходили меня стороной. Иногда – нет. Но и в поражении были свои плюсы. Отчаянно сражаясь, я заслуживал уважение. Может быть, лишь на время, но хоть что-то...

Время медленно тянулось к шестнадцати. Раньше жизнь беспризорника на улицах города казалась мне самоубийством. Спустя четыре года – не таким уж и плохим вариантом, особенно после возросшего ко мне интереса Окурка.

Антон Быкова Окурком больше не называли. Как и все парни, он мечтал получить красную энергию, и ему повезло. За пару лет она накопилась, и Антон начал активно её применять.

Больше года он доставал младших, особенно Ярика. Пацану недавно исполнилось двенадцать, он был стеснительным и робким, а тут ещё и зелёная энергия. Быков насел на него и сделал едва ли не своим рабом. Ярик носил ему обеды, поку-

пал за свои деньги сладости, стрелял у старшаков сигареты.

За любую провинность Быков пинал Ярика или наказывал. Малой мыл его комнату, стирал одежду, стоял в углу или носил на голове мусорное ведро. Хорошо хоть Окуроч не блистал фантазией, иначе малому пришлось бы куда тяжелее.

Вскоре Ярику повезло. Он нашёл семью и покинул интернат навсегда, а Окуроч нашёл ему замену...

* * *

Когда исполнилось шестнадцать, я переключился на учебу. Впереди меня ждал последний, но почти целый учебный год, чтобы подтянуть основные предметы. Понимая, что ни тренировками, ни своим упорством «карьеру» в интернате я уже не сделаю, решил позаботиться о будущем.

Не буду лукавить. Энергия отличала людей везде, даже там, где её почти не применяли. И все же университет мог стать тем местом, где её отсутствие менее заметно. Идея поступить в вуз накрепко засела у меня в голове, а потому последние месяцы всё свободное время я проводил в учебной комнате.

По правде сказать, открыв для себя учебную комнату, я не только подтягивался по знаниям, но и находил временное укрытие. Пацаны предпочитали тусить либо в комнатах, либо на улице. В учебку заходили только тогда, когда им нужно

было что-то срочно проверить на Бракованном. Влияние той или иной ауры и тому подобное. Я привык, что иногда они заваливались толпой и просили подставить плечо под удар. Со временем алгоритм наших действий установился и более или менее всех устраивал. Они приходили – я посылал их в задницу – они меня пинали – я посылал их в задницу – они уходили. На всё про всё десять минут, и я дальше сижу за учебниками.

* * *

Дверь в учебку распахнулась, и на пороге появился Окур-ок. Он носил коричневые штаны, кеды и шерстяную кофту, похожую на кофту силовиков, с погонами, но без звёзд. Помнится, погоны ему пришил Ярик.

Быков был ниже меня на полголовы и худее, но это не мешало ему грохнуть дверью о стену и уставиться, театрально подняв правую бровь.

– Чё, ботанишь? – чтобы казаться круче, Окур-ок добавлял в голос хрипоту. Меня это всегда забавляло.

– Чего надо? – спросил я, улыбнувшись.

– Чё ржёшь, мудака?! – он резво вошёл в центр учебки и достал из-за спины зелёную тетрадь. – За меня тоже поботань!

Тетрадь со шлепком упала передо мной. В верхнем правом углу корявым почерком было написано «матеша». Окур-

ка не интересовали оценки. Он и на уроках-то нечасто появлялся, а тут озаботился о домашней работе. Не стоило и сомневаться – пришёл, чтобы подмять меня под себя.

На секунду мне стало интересно, и я открыл тетрадь. Вверху посредине такими же нескладными буквами: «2 сентября. Классная работа», ниже – пара иксов и игрек. Неизвестные складывались друг с другом, а чему равнялись – неизвестно. Похоже, Окурок устал и вместо решения нарисовал пару квадратов. Больше в тетради ничего не было.

– Напиши посредине «домашняя работа» и нарисуй ещё пару квадратов, может, прокатит, – ответил я и отодвинул тетрадь на край стола.

– Ты одупляешь, с кем разговариваешь, мутант?!

Окурок наклонился и ударил меня щелбаном по уху. Я отодвинулся и хотел встать, но тот придавил меня к стулу. На плечо легла рука, но показалось, будто сверху водрузили мешок цемента. Стул подо мной закрипел. Я повернул голову и увидел на своём плече покрытую красным свечением ладонь.

– Может, тебе ключицу сломать, а?!

Окурок надавил сильнее, и заболело уже не только в плече, но и рёбрах из-за перекосившегося торса. Ещё немного, и где-то что-то хрустнет. На раздумье у меня было несколько секунд и два варианта: сделать домашку или драться. Хотя, что тут думать! Драться, драться и ещё раз драться. Драться, значит, получить, но ведь и сделать домашку – это тоже озна-

чает получить, но только позже. Так если нет разницы, зачем напрягаться и что-то для него делать? Получать я уже привык, а вот записываться в лохи по-прежнему не собирался.

– Ладно-ладно, отпусти! – попросил я, и Окурочок ослабил давление. – Вот что я придумал! Тебе же математичка всё равно не поверит, что ты сам решил. Нужно начинать с малого. Понимаешь? Ну там... два плюс два, или посложнее – три минус один. А лучше удиви её умножением три на два! Идёт?!

Заканчивая предложение, я раскрыл тетрадь и на весь разворот нарисовал « $3 \times 2 = \dots$ ». Речь прозвучала довольно серьёзно, потому Окурочку пришлось стряхнуть с мозгов пыль, чтобы понять:

– Ты гонишь?!

– Какой ответ?! – я вырвался из-под пресса его руки и поставил ручку после знака равно. – Ну?! Ну же?! Три умножить на два?!

– Ш-ш-ш... шесть?

– Да, твою мать! – крикнул я и нарисовал огромную шестёрку на всю страницу.

Окурочок поиграл бровями, прижал сильнее тетрадь и развернулся к двери. Признаться, я и сам прифигел, что такой примитивный трюк сработал, но... Нет, он не сработал.

Коричневая штанина Окурочка разрежала воздух и выбила из-под меня стул. Я кое-как удержался, схватившись за столешницу, отскочил в сторону и поднял кулаки.

Он пёр на меня, наполняя оба кулака красной энергией, я бросил ему под ноги стул и, пользуясь заминкой, разбил ему нижнюю губу. Удар получился сильным, козла аж пошатнуло. Но долбаная энергия...

Обратным ударом Окурок швырнул стул. Тот прилетел мне в колени и развалился на две части. Боль в ногах не позволила увернуться от удара в ухо. Перед глазами всё поплыло. Удар с добавлением энергии сравнится по силам с ударом битой. Перебирая ногами, я попытался сохранить равновесие, и, кажется, у меня получилось, но следом в грудь врезалась подошва кеда с ромбовидным протектором.

Обе парты, что стояли за моей спиной, я привёз к окну. Сполз на пол и попытался втянуть воздух, но лёгкие сжались в спазме. В следующую секунду в лицо мне прилетело что-то шелестящее... Тетрадь.

– Чтобы через час домашка была готова! – прохрипел Окурок и ушёл.

* * *

Через час я сидел в наполовину раздолбленном кабинете учебки и заканчивал для Окурка домашку. Я сомневался, что этот кретин хоть что-то смыслит в решении квадратных уравнений или систем с тремя неизвестными, но постарался. Сделал парочку преобразований, для виду что-то вынес за скобки, и закончил всё «остроумным» ответом: хуі.

Едва я закончил и собирался поднять майку, чтобы посмотреть на отпечатанную подошву на груди, как в учебку вошла воспитательница Катя. Бедлам и поломанная мебель её впечатлили, но с собой она принесла более шокирующую новость:

– Данил... кажется, для тебя нашёлся приёмный отец...

Глава 3. Сергей

За последний год я настолько привык к схваткам, спорам и дракам, что они перестали казаться из ряда вон выходящими ситуациями. С одной стороны, это до безобразия хреново – докатиться до такой жизни, с другой – последний раз приступ случался аж полгода назад. Одно время я даже подумывал, не перерос ли я болезнь. Подростковый возраст и всё такое... Кто-то страдает прыщами, у кого-то ломается зрение. Может быть, прошло время, и всё встало на свои места? Нет.

Услышав о приёмном отце, я переволновался и спровоцировал приступ. Катя мельтешила перед глазами и хваталась за телефон. Воспитательница собралась куда-то позвонить, но передумала, вспомнив постоянные напоминания доктора: «Его приступы не опасны. Их просто нужно переждать». Не уверен, что у меня получилось сказать внятно, но я попросил её успокоиться. Не то чтобы я переживал из-за воспитательницы, просто её розовая блузка слишком сильно била мне по глазам, когда прыгала из одного угла учебки в другой.

Приступов не было давно, потому я не сразу вспомнил о дыхании и счёте. Одна люстра, две ноги у Кати, три – сумма ног и люстры, четыре – квадратный корень из шестнадцати подвесных плиток на потолке, пять – разница между тридцатью ножками стульев и пяти горшками с цветами, шесть –

два умножить на три... десять – корень квадратный из одиннадцати столешниц минус двадцать один штрих от обуви на линолеуме.

– Он ждёт тебя на улице, – сказал Катя после того, как напоила меня водой, после того, как я напоил её водой. – Поговори с ним. Попробуй понять, что он за человек. И... – Катю слишком хорошо воспитали, потому ей было неловко это говорить. – Если он тебе не понравится, всё равно не спеши с принятием решения, потому что...

– Я знаю-знаю. Очередь из приёмных отцов за мной не стоит.

– Как ты себя чувствуешь? – сменила она тему, убедившись, что я всё правильно понял.

– Лучше.

– Зайди потом ко мне. Поговорим.

– Хорошо.

Прежде чем выйти к возможному приёмному отцу, я успокоился и дождался, когда выровняется дыхание. Голову атаковали вопросы и путающиеся мысли. Почему я? Почему сейчас? Вдобавок я не мог не отметить изменения во время приступа. На этот раз я подавил его секунд за пятнадцать, что стало абсолютным рекордом. А ещё расчёты. Уже не первый раз я заметил, что с возрастом расчёты усложняются и ускоряются. Сколько бы мне понадобилось времени, чтобы сосчитать все штрихи от обуви на линолеуме и подогнать это к требуемому ответу? С ходу не скажешь, но уж точно боль-

ше, чем одна секунда. Я всегда неплохо волок в математике, но во время приступов с мозгом происходило что-то иное, как будто он... ускорился?

Отбросив мысли о лагах в голове, я отряхнулся и разгладил рукой мятую футболку. Хорошо, что Окурок не съездил мне по лицу. Или наоборот плохо? Зависит от того, какого ребёнка ищет тот человек. Кстати, на вопрос «почему он пришёл за мной?» Катя не ответила.

* * *

Он стоял на ступеньках у главного входа. Кроссовки, джинсы, серая куртка. Одеждой ничем не отличался от случайного прохожего. Лицо без морщин, разве что с мешками под глазами, щетина, пара отметин от подростковых угрей. На вид ему не больше тридцати пяти. Кому в таком возрасте понадобится шестнадцатилетний пацан?

– Привет! – махнул мужчина рукой.

– Здравствуйте.

– Данил? – он протянул руку.

– Да.

– Я – Сергей, – сказал он и пригласил жестом пройтись.

– Сергей? А отчество?

– Да какое отчество! – улыбнулся Сергей, показывая пожелтевшие зубы. – Зови меня просто Сергей, идёт?

– Идёт.

Обычно наши встречи с потенциальными родителями проходили на обедах знакомств. В столовой расставляли закуски и сладости. Мы тусовались там и вдоволь ели то, что до следующего обеда знакомств нам не попробовать. Пары, как правило, от двадцати пяти до тридцати пяти, которые по разным причинам не обзавелись своими детьми, ходили от одного ребёнка к другому и мило разговаривали. Здравствуй! Меня зовут Виолетта, а это мой муж – Владислав! Мы хотели бы с тобой познакомиться. Расскажи о себе. Каждый раз во время обедов я чувствовал себя, будто на экзамене, и боялся дать неверный ответ. Благо, экзаменационные вопросы нам раздали заранее и их было два: родители спрашивали о тебе, а потом они спрашивали, что бы ты хотел спросить о них. Схема переговоров, отлаженная годами. Пускай и выглядела она не по-настоящему, зато работала. А вот встречи тет-а-тет для меня были в новинку, да и Сергей удивлял:

– Ну чего, как дела?

– Нормально.

– Слушай, Дань, не буду ходить вокруг да около. Ты ж взрослый пацан, поэтому... Воспитка сказала, зачем я приехал?

– Усыновить меня?

– Да, – ответил он и убедительно кивнул. – Ты как?

– Ну... – я впал в небольшой ступор и решил воспользоваться чужим приёмом. – Не могли бы вы...

– Давай на ты!

– Хорошо. Не мог бы ты рассказать о себе... что ли?

– Да нех... нечего тут рассказывать, – Сергей пожал плечами. – Обычный мужик я. Ну знаешь... Дом... работа... живу помаленьку...

– Понятно.

– А! – спохватился Серёга. – Я тоже в интернате вырос!

– Правда?

– Базарю! Ну... правда-правда! Потому и решил тебе помочь. Знаешь, как-то накатило недавно, вспомнил детство. Думал, что до восемнадцати в детдоме проторчу, но батя мой хорошим мужиком оказался. Помог в жизни устроиться, научил всему... Понимаешь?

– Ну да.

– Короче, я решил, что тоже должен парню из интерната помочь. Понимаешь?

– Ага.

– Ну вот!

У Сергея зазвонил телефон. Он достал из кармана дешёвую трубку, бросил быстрый взгляд на экран и побежал к забору.

– Погоди пять сек, ладно? – сказал мне.

– Ладно.

Разговаривал он минуты три, хотя как разговаривал. В основном слушал и преданно кивал, как будто его старания видит собеседник. После каждого второго кивка он поворачивался ко мне, улыбался и показывал указательный палец,

прося ещё чуть-чуть подождать.

– Прости, по важному делу звонили, – Сергей вернулся ко мне. – Ну что ты решил?

– Не знаю пока...

– Слушай, Дань, мне бежать нужно. Извини, что так мало поболтали, вот мой телефон, – он сунул мне сложенную пополам бумажку. – Подумай и позвони вечером. Лады?

– Лады.

* * *

Возвращаясь в комнату, я думал о... О чем я только ни думал... По идее, людей, которые собираются взять ребёнка, должны проверять, нет? Психическое состояние? Твёрдость намерений? Он вроде и не походил на маньяка, но кто ж знает, как он будет смотреться с ножом в руке в свете тусклого фонаря гаража.

Чёрт, всё так спонтанно и стремительно произошло, что я забыл спросить самое главное. Почему я? Он обосновал свой выбор или просто ткнул пальцем в одно из понравившихся имён?

Решение, которое лежало на поверхности, – послать его в задницу! Чувак вырос в интернате и к тридцатке решил почистить карму? Это не звучит как твёрдое намерение стать отцом. Да и каким отцом?! Он сам-то совсем недавно ребёнком перестал быть, а тут шестнадцатилетний пацан... Я смял

в руке бумажку с номером и замахнулся в сторону урны.

– Ну как прошло? – высунулась из двери воспитательница Катя, которая, судя по всему, за нами поглядывала.

– Нормально, – я убрал бумажку в карман и подумал, как бы её по-быстрому отшить, но вместо этого сыграл на любопытстве. – Есть о чём подумать. Узнать бы, что он за человек. Кем работает? Где живет? Жаль, что анкеты хранятся только у директора.

Катя поспешила за мной в коридор, посмотрела по сторонам и дёрнула за рукав:

– Пошли! У меня есть ключ. Но это секрет, и он должен остаться между нами.

– Конечно!

К слову, о секрете, что все воспитательницы таскаются в кабинет к директору, знал весь интернат, кроме директора. Воспитательницы так часто заглядывали к нему в стол, чтобы посмотреть месячную сводку премирования или другие интересные документы, что не только ходили туда толпами, но и выучили график его посещения до минут. Поэтому, когда мы вместе с Катей закрыли за спиной дубовую дверь, я не боялся быть спаленным.

Нужная анкета нашлась быстро. Ульянов Сергей, 33 года, не женат, носитель энергии воздействия. Собственник двухкомнатной квартиры в Заводском районе. Работает монтажником электросетей, характеристика с работы – положительная.

Половина воскресенья миновала. Возвращаться за учёбу – не то состояние. Поэтому я несколько часов бродил по территории вокруг интерната и раздумывал. Смятый клочок бумаги с номером лежал в кармане, однако после каждого сделанного круга я порывался-таки его выбросить. И каждый раз останавливался. Нет, ну а чего я ждал? Кому придёт в голову усыновить шестнадцатилетнего пацана без энергии? Он же об этом знал? Катя дала ему посмотреть моё дело. Может, поэтому он меня и выбрал? Пожалел?

Конечно, как и любой подросток в интернате, я мечтал, чтобы за мной приехала состоятельная семья на дорогой машине. А ещё лучше, чтобы это оказались мои пропавшие родители, которые только спустя шестнадцать лет узнали, что ребёнка в роддоме подменили, ну или случилась любая другая волшебная муть. Мечтать не вредно, однако пора хлебнуть реалий. Разве мне не повезло, что он нашёлся? Чёрт, ещё вчера я и близко не мог о таком думать. А сегодня у меня в кармане лежал клочок бумаги – билет в другую жизнь. Может ли она быть хуже?

Запакованный под завязку мыслями, я добрёл до своей комнаты. Открыл дверь и увидел сначала Никиту, сидящего на стуле с ехидной улыбкой, а затем Окурка, лежащего на моей кровати. Повёл головой левее и заметил на столе рас-

крытую зелёную тетрадь «матеша».

– Ловко ты, Бракованный, однако, уравнения решаешь, – натужно захрипел Окурок, вставая с кровати. – Одно на другое поделил и х*й получил?

– Пойду ещё прогуляюсь.

– Не спеши! – приятель по комнате Никитос встал в проёме двери и скрестил на груди руки. От него я такой подставы не ожидал, как-никак жили вместе...

* * *

К вечеру моё лицо распухло и посинело. Ныли гематомы на руках и рёбрах, чесались ручейки засохшей крови под носом и на бороде. В окно светила луна. Я лежал и умиротворённо думал, стоит ли придушить храпящего Никитоса подушкой, чтобы засранец не нарушал мою идиллию? Лунный свет падал на пол, освещая обломки стола и ошмётки той немногочисленной одежды, которую в приступе истерического хохота рвал Окурок. Я лежал на кровати и мял бумажку с номером. Единственное сомнение, которое меня терзало – позвонить Сергею прямо сейчас или дождаться утра.

Мы поговорили двадцать минут. Я таки задал вопрос «почему я?» и услышал правильный ответ. Он выбрал меня, потому что я Бракованный. От такого ответа в горле встал ком размером с грейпфрут. Не очень-то приятно становится частью чьей-то семьи, только потому что ты неполноценный. С

другой стороны, будучи оптимистом, я отыскал в этом ответе и хорошее. По крайней мере, во всей той бессмыслице и абсурде, который творил Сергей, появилась логика. Жалость так жалость, лишь бы подальше отсюда.

Утром Сергей позвонил сам и сказал, что готов забрать меня завтра. Не через неделю. Не через месяц или пару месяцев. А завтра!

– Разве это делается так быстро? – засомневался я.

– Не ссы, у меня есть знакомые, которые всё сделают. Нужно только твоё согласие.

– Хорошо. Я согласен.

Следующим утром, стоя на крыльце интерната рядом с воспитательницей Катей, я отправил Окурку сообщение. Обозвал его недобитым бычком из губ сифилисной проститутки и пожелал сдохнуть от рака в заднице. Мысленно я представил, как он мечется по корпусу и мечтает что-нибудь мне сломать. Настроение приподнялось. Я расщедрился и послал вдогонку улыбающуюся какашку.

– Кому пишешь? – спросила Катя.

– Да так, – я убрал телефон.

– Помнишь, что я тебе сказала?

– Конечно.

– Мы, как воспитатели, продолжаем нести за тебя ответственность. Если что-то не понравится или покажется странным, сразу звони мне! Хорошо?

– Обязательно.

– Ты не обязан оставаться в семье, потому что этого хочет твой приёмный отец.

– Я понял. Спасибо. – В руке завибрировал телефон, и я вскользь посмотрел на безграмотное сообщение от Окурка. Кажется, тот собирался меня убить. – Если что-то пойдёт не так, я звоню вам, и интернатовский спецназ в лице капитана Кати, сержанта Ларисы Андреевны и прапорщика тети Нади вытащит меня из пекла.

– Удачи, Данил.

– Спасибо и... прощайте, – я улыбнулся Кате, соскочил с лестницы и пошёл навстречу Сергею.

Увидев меня, отец... Сергей, обрадовался. Пожал руку, похлопал по спине и поздоровался с Катей. Воспитательница, как и я, не особо вдохновилась простотой и легкомыслием Сергея. Потому десять раз и повторила о шагах поведении при неблагоприятном усыновлении.

С одной стороны, она была за меня рада. Воспитатели хоть и не вмешивались в нашу жизнь, но прекрасно знали о происходящем в стенах. С другой – только слепой дурак не назвал бы Сергея странным. Может, не самого мужчину, но ситуацию с усыновлением.

Катя ответила ему приподнятыми уголками губ и приложила воображаемый телефон к уху, посмотрев на меня. Мы прошли через ворота и свернули на ближайшей улице налево. На парковке нас ждал простенький серый седан. Причем снаружи он выглядел лучше, чем внутри. В салоне пахло си-

гаретами и какой-то химией. На чехлах зияли множественные прожжённые дырки.

Ребята из интерната не часто ездили по городу. А если нас и возили, то по заученным до тошноты дорогам. Путь в городской концертный зал, дорога к аквапарку, пешая прогулка к кинотеатру. В остальном город был для нас закрыт. Разумеется, пацанов не останавливал полутораметровый забор и вечно спящий сторож Лёня, но многие сами не решались туда соваться. Прошло восемьдесят лет после окончания Мировой гражданской войны, но её последствия по-прежнему отражались на наших жизнях. Быть в городе одному – небезопасно.

Мы ехали по новой для меня дороге, а потому я наглухо прилип к окну. Я постоянно пользовался интернетом, читал статьи, смотрел какие-то видеоролики и был подписан на пару блогеров-путешественников. Для меня не стало открытием, что мир за пределами интерната большой, но видеть его своими глазами было... иначе.

Сергей жил в одиннадцатизэтажном доме в густозаселенном спальном районе далеко от центра. Припарковав машину на газоне, он познакомил меня с двором:

– Это наш двор!

– Ясно, – ответил я, глядя на детскую площадку с качелями, которые со всех сторон припёрли запаркованные тачки.

– Это наш подъезд! – показал Сергей на обшарпанную бетонную коробку.

– Ясно.

– Пошли!

Мы поднялись на седьмой этаж, через вонь от мусоропровода пробились к коричневой двери с номером 121. С самого первого взгляда я различил наспех сделанную уборку. Возможно, привычка у Сергея осталась ещё с интерната, потому как свои уборки мы проводили так же. Пыль – под ковёр, одежду – в шкаф, посуду – в раковину, мусор – в урну. Пять минут, и комната сияет чистотой. По крайней мере, мы хотели так думать.

К счастью, в общем и целом квартира оказалось нормальной. Две комнаты, кухня, кое-какая мебель. Могло быть и хуже...

Отчасти вечер походил на праздничный. Сергей заказал пиццу. В холодильнике нашлось пиво для него и газировка – для меня. Мы посмотрели телек, поиграли в приставку и в целом неплохо провели время. По крайней мере, в представлении воспитательниц первый день должен был проходить именно так – просто и ненавязчиво. Что-то вроде акклиматизации.

Планов не строили, но договорились обсудить их утром. Я лёг в зале, Сергей – у себя. Впервые за последние четыре года я засыпал без страха перед завтрашним днём. Мне не нужно было быть всегда начеку, ждать нападения или искать способы, как избежать драки.

Выпитой газировки оказалось больше, чем смог уместить

мочевой пузырь. Я проснулся около часа ночи и в темноте пошлёпал в туалет. Вышел в коридор и замер, услышав рингтон. Телефон звонил секунд пятнадцать, затем в комнате раздался грохот, кажется, что-то упало с тумбочки, а следом за грохотом взволнованный голос приёмного отца:

– Да... слушаю... конечно-конечно, как и договаривались... он у меня... хорошо... всё сделаю...

Глава 4. День первый

В туалет я так и не ходил. Ночью моя фантазия разыгралась столь сильно, что я готов был позвонить воспитательнице Кате или сразу в полицию. Странный Сергей побыл для меня маньяком, работоторговцем и педофилом.

Часа в три ночи на меня накатил приступ, но я по-быстрому сосчитал буквы на корешках книг в книжном шкафу и разделил их на количество книг на полках, чтобы подогнать под нужный мне счёт от одного до десяти. Приступ прошёл.

К утру я немного успокоился и убрал палец с кнопки вызова. Помимо панических мыслей подтянулись и обычные. Мало ли о ком он говорил. «Он у меня». Ведь так можно сказать не только о человеке, разве нет? Компьютер у меня. Важный документ... инструмент? Так-то Сергей работал ремонтником электросетей. Мы хоть это и не обсуждали, но готов спорить, что в такой работе не обойтись без ночных выездов и звонков.

За завтраком я поглядывал на Серегу исподлобья и крепко держал в руке вилку. В нём раскрылась красная энергия, об этом я прочитал в его деле. По силе мне с ним не тягаться, а вот металлический предмет в глазу – это весомый аргумент.

– Так где тут у вас школа?

– Да тут фигня, – Сергей махнул рукой. – Десять минут

ходу. Ты уже по урокам соскучился?

– Ну так, – я пожал плечами. – Я хочу поступать в следующем году.

– Слушай, Данил, смотри сам! Если надо, определим тебя в школу хоть завтра. Мест свободных там завались, а если нет, то я позвоню и всё устрою, – Сергей кивнул на телефон. – Но я бы на твоём месте не спешил. Погуляй недельку, отдохни, освойся, а уж потом сядешь за парту. Что думаешь?

– Думаю, план нормальный.

– Ну вот! – Сергей залез в карман джинсов, извлёк пару крупных банкнот и положил на стол. – Я сегодня до вечера по делам уйду, а ты развлекайся. Хочешь дома сиди, хочешь пройдишь по району. Кафе, кино, бильярд. Если что, звони. Договорились?

– Договорились, – ответил я и после одного загребущего движения руки стал богаче, чем был когда-либо в жизни.

* * *

Сергей ушёл около десяти, а я выскочил минут через десять. Комната, классы и территория интерната за шестнадцать лет жизни приелись до тошноты. Оказаться одному на улице было непривычно, но волнующе и классно.

Купюры в кармане сделали солнечный день ещё более ярким. Я быстро сориентировался и уже через полчаса лопал мороженое. Через час обошёл весь квартал, а через полтора

сидел на восьмом ряду в 3D-кинотеатре. Пара купюр только на первый взгляд показались большой суммой, однако потратить их оказалось отнюдь не сложно. Я этому обрадовался. Поведение Сергея снова вписывалось в нормы прилежного приёмного отца. Он дал мне свободу выбора и доверие, а денег по итогу оказалось не слишком много, чтобы считать это взяткой.

После кинотеатра я прочитал безграмотные сообщения от Окурка и предложил в ответ несколько изящных способов самоубийства. Возвращаясь домой, я позвонил сначала Кате, рассказал о делах и убедился, что всё идёт в допустимых рамках, а потом набрал Глебу. Одному из оставшихся друзей из интерната. Его забрали на следующий день после ритуала высвобождения. Ему не требовалось избегать меня или отворачиваться, чтобы не выпасть из коллектива, потому мы остались друзьями, хоть и телефонными. Поболтали, договорились как-нибудь встретиться.

В приподнятом настроении, с уверенностью, что всё идёт как надо, я вошёл в подъезд и поднялся на лифте. Избавиться бы от вони из мусоропровода. Впрочем, парню ли из интерната на это жаловаться? Задержав дыхание, я проскочил по коридору и открыл дверь своим ключом.

Из комнаты Сергея доносился шум. Что-то гремело через каждые три-четыре секунды, будто он скидывал что-то с полок. Не совсем понимая, как себя вести – сообщить о возвращении или тихонько пойти в зал, – я постоял в прихожей

полминуты, пока не услышал незнакомый голос:

– Ну, и долго мне ждать?!

– Где-то здесь, я точно помню, – виновато ответил Сергей.

– Харэ мне впаривать, Улей!

– Да я серьёзно!

– Как же тебе повезло, что мы знакомы! Будь на твоём месте любой другой хмырь, я бы... Да хватит там рыскать, клоун! Хочешь сказать, что бабки где-то на полке завалились?

– Там не всё, но часть...

– Интересно, на сколько твоя двухкомнатная конура потянет? – спросил незнакомец и гоготнул. – Рассчитаешься со мной, и ещё самому немного останется.

– Я же сказал, что всё отдам завтра!

– Да где ты их возьмёшь?!

Понимая, что становлюсь свидетелем не самого приятного разговора, я решил-таки пойти в зал. Не хватало ещё, чтобы они вышли в коридор и застали меня подслушивающим. Кроссовки скинул почти бесшумно, миновал обувные коробки в коридоре и подался в зал... Чёртов ламинат! Первая же дощечка скрипнула под моей ногой, и из комнаты Сергея показалась голова.

Бледный и худой, со впалыми щеками и седыми прядями в чёрной копне волос. Лет под сорок. Он смотрел на меня серыми, почти бесцветными глазами и вопросительно кривился, но молчал. Я поступил так же. Замер с занесённой ногой и смотрел на него.

– Эй!

– Здравствуйте, – сказал я.

– Ты кто?!

– О, Дань, здорова! – из-за плеча бледного высунулся Серега. Свет в коридоре не горел, потому я не сразу его разглядел. Но вскоре до меня дошло. Его левая половина лица разбухла, полностью затянув глаз. – Мы тут потрещим немного, и я скоро подойд...

– Кто это?! – прервал бледный, продолжая на меня пялиться.

– Мой сын... приёмный.

– Сын?! – бледный посмотрел на Серегу и улыбнулся. – На хрена тебе сын, Улей?

– Давай в комнате поговорим!

Сергей попытался почти силой затолкать Бледного в комнату и потянулся к ручке двери, но тот оттолкнул его и направился ко мне. Вблизи я рассмотрел его лучше, а выглядел он – не очень. Плечи кожаной куртки почти сползли на локти, а брюки развевались при ходьбе, оттопыриваясь острыми коленями. Вся его одежда была велика, и даже на первый взгляд было видно, что под ней прячется иссохшее и болезненное тело:

– Как зовут?

– Данил, – ответил я.

– Стас, – Бледный протянул руку.

Белую и костлявую руку не сложно было спутать с ру-

кой мертвеца. Она обхватила мою ладонь и сжалась... Ещё немного, и я бы крикнул. Одно дело терпеть боль, на этом я собаку съел, и другое – слушать, как щёлкают косточки и хрустят фаланги пальцев. Он лыбился мне в лицо и продолжал давить, а красное свечение между его белых пальцев становилось всё сильнее.

Привычка – давать отпор всем и на всё – сработала и в этот раз. У меня не получилось удержать спокойное выражение лица, но я пообещал себе, что козёл не услышит мой крик, как бы больно ни было.

– Эй, Стас, пойдём поговорим! – встрял Сергей.

– Ща поговорим, – ответил Стас и отпустил мою руку. – Как дела, Данил?

Косточки и фаланги стали выпрямляться, затем последовала новая волна боли. Хотел бы я ответить этому козлу что-то внятное, но выдавил стандартное:

– Нормально. А у тебя?

– Стас, пошли!

– Да заткнись ты!

– Данил, посиди в зале, ладно?

– Заткнись, Улей! Я с малым говорю!

– Пойдём, Стас, я тебе кое-что скажу...

– Чем живешь? – спросил Стас, не обращая внимания на уговоры Сергея.

– Учусь.

– Денег хочешь заработать?

– Нет.

– Что нет? – Стас полез во внутренний карман куртки. – Дурак, что ли?

– Нет.

– Бери! – он протянул мне бумажный свёрток. – Отнесёшь это одному человеку. Ладно?

– Стас, Данил не будет эти заниматься, – Сергей говорил с мольбой в голосе. – Пойдём, я тебе объясню!

– Бери, чего уставился?!

– Я никому ничего не понесу!

– Грубишь?! Крутой?!

– Если ты сейчас не уйдёшь, я позвоню в полицию... – Я понятия не имел, какие тёрки у Стаса с Сергеем (папаша, судя по всему, оказался-таки замешен в каком-то наркотическом дерьме), но и дураку было понятно, что добра от этого козла не жди. – Я только вчера приехал из интерната и нахожусь под пристальным присмотром властей.

– Вот оно что?! – Стас поднял брови и отступил. – А щенок-то крысой оказался! Ты слышал, Улей, что твой сыночек болбочет? Желает копов на хате у тебя видеть!

– Стас, не вмешивай его! Пошли в комнату, мне нужно срочно тебе кое-что сказать!

– Думаешь, твой папаша будет рад видеть здесь полицейских? Что ты о нём знаешь? Улей, ты рассказывал ему о себе?!

Сергей, который всё это время показывал из комнаты

только голову, вышел в коридор. Я скользнул по нему взглядом. Правой рукой он придерживал левую, которая была неестественно изогнута. Кожа предплечья почернела и покрылась кровавой сеткой. Кажется, руку сломали пару часов назад.

– Стоять! – Стас остановил его вытянутой рукой и снова протянул пакет. – Бери, щенок! Отнесёшь, куда скажу, и останешься цел!

В интернате я привык видеть надменных ублюдков, считающих себя пупами мира. Я лучше других знал: сделаешь, что они просят, и с тебя не слезут. Отнести пакет означает сыграть по его правилам. Если это наркота, а это, к бабке не ходи, наркота, то отнести пакет, значит – стать преступником.

– Сам неси! – огрызнулся я и, чёрт меня дёрнул, выбил пакет из его руки.

Видя, как руки Бледного наливаются красным, я отступил в зал. Он посмотрел на упавший пакет, а затем – на меня. Худое лицо искривилось десятком морщин. Взмахом руки, за которым последовал красный шлейф, он снёс дверь и рванул ко мне.

– Я завтра встречаюсь с Тюком! – взревел на всю квартиру Сергей. – Вечером будут деньги! Всё до цента!

Стас, который уже занёс кулак для удара, резко остановился. Злость на лице сменилась удивлением. Он смотрел на меня секунд двадцать, затем улыбнулся и повернулся к Сер-

гею.

– Так вот оно что?! Чего ж ты раньше не сказал?

– Пойдём в комнату, а?

– Ну пошли, – Стас поднял свёрток, снова с улыбкой посмотрел на меня и первым ушёл в комнату.

– Дань, прости... – прошептал Сергей. – Дай мне час, и я всё объясню!

* * *

Я лежал на диване и чувствовал, как накатывает приступ. Удивительно, но в этот раз я почувствовал его заранее. Если раньше слепота от мерцающих предметов начиналась постепенно, но накрывала безвозвратно и мне никак не удавалось её остановить, то в этот раз я принялся считать заранее. Я испытывал что-то новое. Меня одолело очень странное чувство, будто я сдерживаю приступ. Он накатывал, словно сон, но совершая эти безумные расчёты, я его отдалял. Более того, мне показалось, что я могу полностью его предотвратить, но не спешил.

Мой мозг выдавал очередные математические кренделя, складывая, перемножая и вычитая одни предметы из других. Причём, чем интенсивнее я считал, тем слабее становились симптомы. Я подержал приступ около минуты, так и не позволив ему начаться, а затем ускорился в расчётах и полностью его погасил.

В комнате Сергея слышались голоса. Три или четыре раза я подносил палец к кнопке вызова, собираясь позвонить Кате, но останавливался.

С Сергеем всё было решено. Я бы смирился с его бедностью, занудством или нытьём о плохой жизни, в крайнем случае – стал бы для него опорой. Зачастую родители за этим усыновляют детей. Но связываться с наркотой – худшее, что можно придумать. И хорошо, он успел одёрнуть этого психованного Стаса. Возвращение и так будет нелёгким, а с поломанной рукой – вообще не вариант.

Сергей пришёл через час. Опухшее лицо, заплывший глаз, запах алкоголя. Руку забинтовал и повесил через плечо. Сквозь бинты я разглядел черный цвет кожи и предложил вызвать «скорую», если он хочет остаться двуруким.

– Дань, извини, что так вышло. Это прошлые дела, понимаешь? Я остался должен кое-какие деньги, но решу эти проблемы очень и очень скоро, – он говорил так, будто собирался что-то у меня попросить. Но не просил.

– Уже ночь на дворе, поэтому я уеду завтра утром.

– Да ладно?! Почему? – Сергей не на шутку встревожился. – Останься!

Он был прилично пьян. Я не видел смысла разговаривать и что-то объяснять. Судя по ночным звонкам и наркодилеру, который так запросто сломал ему руку, у Серёги были крупные проблемы. Похоже, со временем это превратилось в своеобразный образ жизни. Зачем при его ворохе проблем

ему понадобился я? Неужели для таких, как он, имеет значение карма? Сомневаюсь. Спрашивать ещё раз я не стал. Разговаривать о таких вещах с пьяным... Уж лучше вообще не говорить.

– Поговорим утром, хорошо?

– Так ты останешься?! – оживился Сергей.

– Не знаю... нет... давай обсудим это утром, ладно?!

– Прохладно! – в двери показался Бледный.

– Ну останься, Дань! – Сергей вцепился мне в руку.

С появлением Стаса его состояние ухудшилось до истерического. Или он так боялся, что я уйду?

– Пожалуйста, останься!

– Хватит! – приказал Стас и вошёл в зал. – Делай, как я сказал!

– Дань, просто скажи, что останешься, прошу! Ну останься!

По решительному виду Стаса и размазне Сергею я понял, что назревает какая-то фигня. Сергей клянчил, чтобы я остался, а его просьба и близко не походила на желание мне помочь... Как будто мой ответ решал что-то совсем другое. В груди у меня похолодело. Они часа два шептались в комнате и, кажется, о чём-то договорились. Вплели меня в свои дела?

Я не часто давал заднюю, но что-то подсказывало мне, что это был именно тот случай. Одно дело отказать подросткам и ввязаться в потасовку, другое – пойти против наркодилера.

Стас смотрел на меня властно и внимательно, как пёс, который имел виды на чужой кусок мяса.

– Ладно, я останусь, – выдавил я дрожащим голосом и похлопал Сергея по плечу. – Забудем.

– Отлично! – размякшая тряпка Сергей воодушевился. Распухшая половина лица изрезалась складочкой – улыбнулся. – Спасибо, Дань! Спасибо, дружище! Выручаешь!

Дружище? Выручаешь? Страх и бухло развезли Сергея так, что он перестал подбирать слова. Едва ли отец скажет такое приёмному сыну. Что ему от меня нужно? Впрочем, не хотел бы я этого узнать.

Квартира слишком высоко, чтобы свалить через окно, хотя оно мне и не нужно. У меня есть ключ. Только где он? Оставил в замочной скважине? Да. Отлично. Дождусь, пока Бледный свалит, а Сергей заснёт. Тогда и уйду. А чтобы обезопасить себя, прежде напишу сообщение Кате, пускай она черканёт пару строк Сергею, чтобы тот не наделал глупостей, если что-то пойдёт не так.

– Нет проблем, – я попробовал улыбнуться, но в горле скопилось неприлично много слюны, и вместо этого шумно сглотнул.

– Клёво! – Сергей выдохнул и, довольный, посмотрел на Стаса. – Ну вот, всё отлично! Пойдём, покурим?

– Пи...т!

– А?..

– Он пи...т! – повторил Стас. – Делай, как я сказал!

– Да нет же! – Сергей повернулся и посмотрел мне в глаза. – Нет же?

Вспотели ладони, и застучало сердце. Ещё чуть громче, и Стас услышит, как оно учащённо гоняет по телу кровь.

В следующий миг стеклянный столик будто обвели белым контуром, который резанул мне по глазам. После столика в глаза ударила бутылка из-под вина. Один за другим предметы подсвечивались и мельтешили, внутри всё вскипело и завертелось. Я злился. Искал силы и ресурсы, чтобы выплеснуть эту злость, но ничего не находил. Словно в животе у меня рычал двенадцатицилиндровый двигатель и требовал горючки, но взять её было негде. Приступ удалось остановить довольно быстро, но как остановить намерения этих двоих? Нужно действовать! Делай первым, или сделают они!

Тянусь к бутылке с вином и хватаю за горлышко, правой рукой хватаю Сергея за шею и со всего размаху прикладываю о стеклянную столешницу. В стороны летят осколки, приёмный отец сползает на пол. Я вскакиваю на диван, перепрыгиваю на подлокотник и с расстояния полтора метра швыряю бутылку Бледному в бледную харю.

По сложенному наскоряк плану я рассчитывал ослепить Стаса осколками и брызгами оставшегося на дне алкоголя, но всё сложилось куда удачнее.

Бутылка делает в воздухе пол-оборота и дном прилетает Бледному точно в нос. Я спрыгиваю с дивана, плечом убираю с дороги Стаса и в два шага достигаю двери.

От свободы меня отделяет поворот ключа и нажатие дверной ручки. Жаль оставлять свои кроссовки, но... Твою мать?! Где ключ?! Я вожу рукой по замку и ощущаю лишь холодную щель пустой замочной скважины.

– Не это ищешь, ублюдок? – позади меня вырастает силуэт Бледного. В его руке звенит связка ключей. – Ты же обещал остаться?!

Коридор озаряет красная вспышка энергии. Удар в лицо сравним с ударом кувалды. Я бьюсь затылком о дверь и сползаю на пол без сознания...

Глава 5. Иксы

Очнулся я в тёмном и тесном помещении, где пахло бензином и моторным маслом. Жутко болело лицо. Мне не сразу удалось его пощупать, пришлось ухитриться и прилично изогнуться, чтобы дотащить руку через весь... багажник? Да, кажется, я лежал в багажнике. Лицо распухло. Причём распухло так сильно, что я и сам не мог узнать себя по тактильным ощущениям. Вдобавок очень сильно болела голова. Удар взрослого мужчины наполненным энергией кулаком не мог пройти незамеченно. Полагаю, в мою копилку можно было смело записать ещё одно сотрясение и, может быть, даже черепно-мозговую, хотя нет. Макушка пропиталась кровью, но на ощупь черепушка осталась целой. Столкновение с дверью оставило лишь двухсантиметровое рассечение.

Накатил приступ тошноты. Не только из-за сотрясения, сказывались вонь бензина и качка. Если судить по шуму резины и рёву двигателя, ехали мы быстро. Трасса или проспект. Звуки проезжающих мимо машин доносились редко, значит – трасса. Куда мы едем? Если начнёт трясти на кочках, а сквозь щели багажника ползет пыль, можно будет с уверенностью сказать, что они везут меня в глушь. Чтобы убить и закопать? Вряд ли. Хотели бы убить, уже убили бы. Да и смутные воспоминания вчерашнего вечера намекали, что я им для чего-то понадобился. Сергей чуть ли не на ко-

лениях умолял, чтобы я остался.

Вернул правую руку обратно к карману, пощупал. Слишком наивно. Конечно, они забрали телефон. Этот ублюдок Стас позаботился ключи из замочной скважины достать. Про телефон и говорить нечего.

Минут через двадцать мы остановились. Хлопнули двери, щёлкнул замок багажника, в лицо ударил дневной свет.

– Живой? – я узнал басистый голос Бледного. – Живой!

– Я сейчас! – сказал Сергей и ушёл.

Где-то с полминуты я привыкал к свету. Образ склонившегося над багажником чёрного пятна потихоньку обрёл черты и рельеф. На солнце Стас выглядел, будто ходячий труп, зато на его бледном лице отлично смотрелись рассечение и два фингала. Жаль, что синяки под глазами слишком сильно сливались с естественными синими кругами.

– Подъём!

Бледный рванул с энергией, отчего я пробкой вылетел из багажника и приземлился на ноги. В ступни врезались мелкие камушки гравия. Ублюдки позаботились о том, чтобы забрать телефон, а об обуви – нет.

Мы стояли рядом с огромными, метра четыре в высоту, воротами. За витиеватой железной решеткой виднелся особняк. Белые стены, красная крыша. По обе стороны от ворот, узор на которых складывался в букву «Х», были высажены ели, из-за которых сложно было оценить размеры как самого особняка, так и его территории.

Сергей крутился рядом с будкой и что-то объяснял охраннику – подтянутому мужчине в однотонной чёрной форме с пистолетом на поясе. Я немало пережил за последние пару часов и поэтому не сразу придал значение оружию. Охранник, оружие, вроде всё сходится. Но много ли охранников частных территорий вооружены пистолетами, пускай и газовыми? Обычно их оружие: фонарик, рация, баллончик, а если повезёт – шокер.

Удивительно, но охранника совсем не парило зрелище вывалившегося из багажника пацана с разбитым лицом. Да и сам Сергей. Будь я на месте охранника, погнал бы разукрашенного алкаша с перемотанной рукой в шею, а он нет. Слушает, кивает, затем смотрит на меня и поднимает рацию.

– Где я?

– Заткнись! – рявкнул Бледный, и его худая рука накрепко вцепилась в моё плечо. Морщины на лице выдавали нервозность. Он, не отрываясь, смотрел на охранника и как будто ждал, когда тот вынесет свой вердикт.

– Вы хоть понимаете, что администрация интерната поднимет шум, если я не выйду с ними на связь?

– А это уже не мои проблемы! – хохотнул Стас и посмотрел на Сергея.

Смешок Бледного натолкнул меня на мысли. Что бы ни задумал Сергей, он придумал это один. Мудак Бледный появился в доме случайно, просто выбрал неудачный день, чтобы выбить из должника бабки. Крайне неудачно в кварти-

ре нарисовался и я, Улею пришлось вывалить вымогателю правду, чтобы тот не заставил меня подрабатывать на него бегунком. Что за правду Сергей рассказал Стасу? Этот вопрос меня интересовал больше остальных.

Как же не вовремя Бледный пришёл за своим долгом. У Сергея не получилось бы провернуть подобное в одиночку. Слишком мягкий. Я бы запросто переубедил его, припугнув администрацией, а что теперь? Бледному плевать, каким образом Сергей достанет бабки, он заставит его сделать что угодно, даже если за его действиями последует наказание. Чёрт, но ведь и Сергей не похож на идиота. Неужели он решил организовать такое примитивное похищение, не позаботившись об интернате? Хотя у него были там какие-то связи. Как-то же ему удалось оформить документы за пару дней, когда обычно на это уходят недели или месяцы.

– Думаешь, он не утащит тебя за собой?

– Он же не самоубийца, – ответил Стас и уставился на возвращающегося Сергея. – Ну что?

– Всё шито-крыто! – радостно крикнул Улей, но заметив меня, погрустнел. На дне его внутренней помойки нашлись остатки совести. – Данил, просто делай, что они скажут. И всё будет... всё будет нормально.

– У тебя тоже всё будет нормально, Сергей. Камера с десятью отморозками, как этот, – я кивнул на Бледного. – Трёхразовое питание и х*р в одном месте!

– Ха-ха! – поржал Бледный и подтолкнул меня к охран-

нику.

* * *

Через плечо я посмотрел на коричневый седан, на котором уезжали Улей и Бледный. За рулём сидел Стас. Он сделал небольшой круг у ворот, помахал мне рукой и унёсся под рокот двигателя.

– Где я? – спросил я у охранника, хоть и не рассчитывал на ответ.

Он даже не повернулся в мою сторону, моргнул стеклянными глазами, провёл за ворота и передал другому охраннику. Хотя второй выглядел уже не просто охранником. Он носил узкие чёрные джинсы и чёрную рубашку. Стучал по плиточной дорожке каблуками.

Территория дома показалась поистине огромной. Я будто вышел на поле для гольфа. Ни разу там не был, но почему-то оно представлялось мне именно таким. Стриженная трава разных сортов чередовалась полосами по три метра шириной.

Возле ворот мы поднялись в небольшую горку, а после вышли на плато. Противоположная граница забора выглядела маленькой серой полоской, где-то ближе к горизонту, а строения у забора походили на положенные на бок спичечные коробки.

Посреди выстриженного океана травы стоял дом. Поме-

стье, усадьба, коттедж или вилла. Что-то, на что потребовалось бесконечно много бетона и стекла. В ширину он растянулся, будто многоквартирный жилой дом на четыре подъезда, максимальное количество этажей – я насчитал три. Он был большим и растянутым по площади, разноуровневым и с десятком входов. Причём с ходу и не определить, какой из них главный.

По каменной дорожке мы поднялись к дому, но свернули налево. Проследив взглядом, я увидел ещё один дом. По сравнению с домом-отцом этот был домом-сынком. Двухэтажный квадрат на пять-шесть комнат. Похож на гостевой. К нему вела наша дорожка.

В голове всплывали разные мысли, как правило, самые неприятные, о том, что будет дальше. Поглядывая на чёрную рубашку и окна домов, я пытался сделать какие-то предположения, но мои размышления прервал сопровождающий.

– Ты будешь жить в гостевом доме, – сказал он голосом, в котором не прослеживалось эмоций. – Там есть всё необходимое для жизни. Через час вас отведут на Прозрение.

– Прозре...

– Ты не можешь задавать вопросы! – сопровождающий открыл дверь в гостевой дом. – Ровно в двенадцать за вами придут. Передай остальным!

Гостевой дом выглядел хорошо не только внешне, но и изнутри. Качественные двери, дорогие обои на стенах, уложенный плиткой пол. В то же время дом выглядел пустым или необжитым. Хотя на то он и гостевой дом. Похожий на гостиницу или арендуемый коттедж, где нет ничего лишнего, а то, что есть – под счёт.

Из коридора я услышал шум голосов. Прошёл мимо пустой полки для обуви, встроенного в стену шкафа и вышел в просторную гостиную, совмещённую с кухней. По бокам комнаты стояли два кожаных дивана, по центру – островок для готовки, вокруг него – стулья, похожие на барные. С правой стороны ломаная лестница ведёт на второй этаж, а с левой – потолок не заканчивается. Возвышается на добрых пять метров, позволяя пропускать в гостиную свет аж из двух пар окон, расположенных друг над другом. Если кто-то вложил столько денег в гостевой дом, то что же в основном?

В комнате ждали пятеро парней. Трое сидели на диване, один возился с чайником, пятый встретил меня протянутой рукой.

– О, ещё один! Добро пожаловать, я Кирилл!

Помимо Кирилла представились Денис, Федя, Камень (лопоухий сам так себя назвал) и рыжий Юра. Я поглядел на их лица и пришёл к выводу, что их настроение не сильно

походило на настроение похищенных подростков. Не у всех, но почти.

– Жратвы тут – сколько хочешь! – Кирилл открыл холодильник и показал заваленные продуктами полки. – Наверху шесть комнат. Хрен знает, что клановским от нас нужно, но мы заняли каждый по комнате, кроме Феди. Твоя, значит – либо сразу напротив лестницы, либо на чердаке.

– Этому лишь бы жрать да спать! – фыркнул Федя и развернулся к окну. – Смотри, чтобы тебя к вечеру в холодильнике куда-нибудь не отвезли.

– В каком ещё холодильнике?

– На органы порежут и продадут.

– Хватит пороть чушь! – отбился Кирилл. – Хотели бы – уже давно порезали.

Из словесной перепалки оптимиста и пессимиста я понял, что некоторые из парней приехали, как и я, сегодня, а некоторые живут в гостевом доме уже несколько дней. За всё это время с ними никто не разговаривал, они никуда не выходили и ничего не делали, кроме как ели, спали, залипали в телек и консоль.

Пускай я пробыл в доме не больше десяти минут, но почему-то примкнул к стороне Кирилла. Если бы мы понадобились похитителям, чтобы нас грохнуть, то зачем откармливать, да ещё в таких шикарных условиях? Сомневаюсь, что нас хотели убить. Однако и держать ради забавы в элитном коттедже не стали бы. Рано или поздно за всё придётся за-

платить, так устроена жизнь...

– Ты сказал клановские? Это дом клана?

– Ну а чей же ещё! – Кирилл развёл руками. – У кого ещё в ближайшем пригороде найдётся столько денег, чтобы купить столько земли? Клань-клань! Тебя чувак в чёрной рубашке провожал?

Я кивнул.

– Ну вот! Видел, как он одет?! Так только клановые одеваются. На пафосе весь. «Ты не можешь задавать вопросы!» – Кирилл скривил лицо и изменил голос, пародируя Чёрную Рубашку. – Да и вообще это их стиль. Отдельный дом, роскошь, прислуга, тёмные делишки...

– Опять ты со своей ересью! – крикнул Федя.

– Ты бы лучше прислушался, бестолочь! Заладил одно и то же! На органы порежут! На органы! Что там с тебя тех органов?! Даже на зимнюю резину для их тачек не хватит! Тут что-то другое... – Кирилл понизил голос до загадочного шепота.

Я повернул к нему ухо, чтобы ничего не упустить.

– Хотят души наши украсть!

– О боже! – взмолился Федя.

– Да, я в интернете читал! Они воруют души молодых, чтобы продлить себе жизнь!

– Ой, да заткнись ты!

– Ну вот и посмотрим, Федя! Посмотрим, что ты мне скажешь, когда они высосут из тебя всё до последней капли!

– Ну, если они хотят украсть наши души, то Юра может быть спокоен, – вдруг встрял в разговор Камень.

– Почему? – спросил стоящий поодаль от всех Юра.

– Так у рыжих нет души! – заржал Камень и похлопал сидящего рядом Дениса.

– Обоссаться, как смешно, – Юра налил чай и подошёл ко мне. – Сопротивлялся?

– А?.. – я слегка опешил и не сразу вспомнил про разбитое лицо. – Да вроде того.

– Тоже порошок подсыпали?

– Нет. Не совсем.

Не вдаваясь в подробности, я пересказал свою историю. Краткого содержания оказалось достаточно, чтобы они выпучили глаза и отвалили челюсти. Их путешествие в загадочный дом оказалось куда проще. Всех их усыпили, кого в ночном клубе, кого в школе, кого в кафе. Юра вырубился в раздевалке тренажёрки, попив воды из своей бутылки. Проснулись они уже здесь.

– А кроме похищенных душ и продажи на органы, есть идеи – зачем мы здесь? – спросил я.

– Ничего конкретного, – ответил Юра. – Но общая картина понятна. Насчёт того, что мы попали на территорию клана, я с Кириллом согласен. Клань от жиру бесятся, поэтому придумывают себе всяческие развлечения. Думаю, мы – одно из них. Теперь все комнаты заняты, а значит, скоро что-то прояснится...

– Точно! – во всей этой неразберихе я совсем забыл про слова Чёрной Рубашки. – Охранник сказал, что в двенадцать нас отведут на Прозрение.

– Прозрение? – Кирилл вскочил с дивана. – Кто-нибудь знает, что это?

Ребята помотали головами.

* * *

Чёрная Рубашка пришёл ровно в двенадцать и показал пальцем на выход. Переглядываясь, мы вышли из дома и пошли за ним. Выложенные плиткой дорожки казались мостиками в океане травы. Мы прошли по такой дорожке до развилки и свернули на левую. Она повела нас вдоль дома и направила к торцевой части. Чем больше я смотрел на дом, тем больше он походил на сваленную кучу игральных кубиков. Одни навалились трёхэтажной горкой, другие рассыпались вокруг них.

Пристройка с торцевой стороны разительно отличалась от остальных. Не формой, но цветом. Она походила на чёрное пятно на белой скатерти остальных стен. В чёрной пристройке не было окон, а вход слегка уходил под землю. Вокруг двери переплеталась узорами фиолетовая линия. Вздыхаясь вверх и венчала здание двухметровым иксом – «X». Чёрная Рубашка показал нам на закрытую дверь, и я невольно вспомнил слова Кирилла: «Они хотят украсть наши ду-

ши!»

Похоже, эти слова вспомнил не только я. Не осмеливаясь говорить, мы переглядывались и неловко улыбались. Кирилл сверлил Федю укоризненным взглядом и приглашал войти первым, а тот делал вид, что не замечал.

– Мастер не будет ждать! – поторопил Чёрная Рубашка.

Я ещё раз посмотрел на охранника. Этот, в отличие от человека на воротах, оружие не носил, но, по правде сказать, создавал такое впечатление, что оно ему и не нужно. Энергия, которая высвобождается в людях в возрасте двенадцати лет, растёт и развивается. У кого-то быстрее, у кого-то медленнее, но в целом – она более или менее равная. А вот про клановые способности говорили другое. Я всегда считал мифами сказки о людях, которые способны в одиночку разделаться с пятью или десятью соперниками, но Чёрная Рубашка выглядел именно таким человеком. Хотя не стоит забывать про присущий кланам мистицизм, который далеко не всегда сходится с действительностью. Чёрная Рубашка выглядит так, как его научили выглядеть, независимо от размера и силы энергии.

Мы так и мялись, не решаясь войти, пока это не сделал Юра. Спустился на две ступеньки и толкнул дверь. Мы направились следом.

Первое, что я почувствовал – запах. Сначала он показался приятным, будто запах благовоний, но чем больше я его вдыхал, тем тяжелее его было переносить. Запах подслащён-

ной копоти.

Мы оказались в помещении с чёрными стенами, которое освещалось лампами, похожими на лампы ультрафиолетового освещения. Продольные плафоны висели под потолком по периметру, придавая всем вещам, полу и даже нашей коже фиолетовый оттенок. Всё было чёрным и фиолетовым, кроме четырёх белых иксов, по одному на каждой стене.

– Похоже на клубный сортир, – пробубнил Камень. – Где писсуары?

Чёрная Рубашка за нами не пошёл, потому мы на время были предоставлены себе. Я повертел головой и заметил четыре камеры в каждом из углов. Мне не понравилось.

Спустя минуту икс напротив нас провалился в стену, за ним нарисовалось очертание двери. Мы услышали топот шагов, а затем увидели мастера. Одет он был идентично Чёрной Рубашке, но разительно отличался пепельными волосами, которые ниспадали на плечи. Узкие брюки и приталенная рубашка молодили мастера, но свет фиолетовых ламп выдавал его истинный возраст. Лицо было впалым и сморщенным. Острые скулы выпирали так сильно, что казалось – вот-вот порвут кожу. Он с трудом переставлял ноги и опирался рукой о стену, когда входил в комнату. Увидев глаза старика, мы переглянулись, чтобы посмотреть в глаза друг друга. Ошибки быть не могло. В отличие от наших глаз, глаза мастера светились насыщенным фиолетовым цветом.

– Станьте в ряд! – сказал он и закашлялся.

Удивительно, как ошеломительно на человека действуют чары страха и любопытства. Нас держали взаперти, нам не разрешали задавать вопросы, нас привели в странное помещение, где собирались с нами что-то сделать. Не мало ли факторов, чтобы начать сопротивляться? Несмотря на это, мы подчинились и выстроились в ряд, будто солдаты по приказу командира.

– Сядьте!

Стульев в помещении не нашлось, как и мест, похожих на сидячие, поэтому мы просто попадали на задницы, зачарованно глядя на фиолетовые глаза мастера.

– Вы слышали об Ордене Иксов?

Все, как один, помотали головами.

– О правилах вам расскажут потом, – старик проглотил слюну, сдерживая кашель, и долго собирался, чтобы продолжить. – Но сейчас вы должны усвоить главное. Икс во главе всего. Мы поклоняемся Иксу. Икс – наш бог, а его решение – нерушимый закон. Склоните головы!

Последние слова прозвучали жёстче обычного. Почувствовали ли это ребята? Мне показалось, что я выполнил команду ещё раньше, чем мастер её произнёс. Что за?..

– Сейчас я подарю вам частичку Икса...

Мастер подошёл к левому краю помещения и приблизился к Денису. Раздался звук, похожий на шелест листвы с примесью металлического звона, после чего комнату озарила ослепительная фиолетовая вспышка. Денис хмыкнул и осёк-

ся, как будто его ударили под дых, а мастер пошёл к следующему – к Феде.

Как бы ни было страшно, я нашёл в себе силы, чтобы поразмыслить. Проще всего было сидеть, склонив голову, и ждать своей участи, но что если участь означает смерть? Или что-то другое, ещё более страшное? Нельзя просто сидеть и ждать! Я во что бы то ни стало должен увидеть, что он делает! Попытался поднять голову, но ничего не вышло. Шевельнуть рукой, ногой – бесполезно. Казалось, меня сдавили в тиски или удерживали сразу десять пар рук. Всё, на что мне хватало сил – дышать.

За третьей вспышкой последовал стон Юры, следующий на очереди – я. Спустя пять секунд перед глазами показались медленные ноги старика. Он подошёл ко мне вплотную, почти касаясь коленями лба. Опустил покорёженные старостью руки. Из пальцев просочилась энергия. В его руках образовался плотный фиолетовый шар. Маслянистый и густой, похожий на желатинку, размером с бильярдный шар. Мастер поднёс его к моей голове и с небольшим усилием затолкнул внутрь.

По комнате разлетелась фиолетовая вспышка. Перед глазами всё замерцало, как в очередном приступе. Только на этот раз я видел... Каким-то образом я видел происходящее внутри меня. Возможно, я сошёл с ума, но я видел, как фиолетовый энергетический сгусток погружается внутрь и просачивается в мозг, словно ржавчина или плесень...

Глава 6. В гостевом доме

Впервые в жизни я видел что-то, чего не существовало на самом деле. Вернее, оно существовало, но было внутри. Как если бы я закрыл глаза и что-то представил. Но в отличие от выдуманных изображений или видений, я видел это чётко, будто смотрел в монитор или погрузился в виртуальную реальность с помощью VR-очков.

Открыты ли мои глаза? Кажется, да. Несмотря на это, я не видел пол и очередную фиолетовую вспышку. Хотя мог бы посмотреть. Мысленно я осознавал, как переключиться обратно. Знал, где и что нужно нажать, чтобы увидеть то, что показывают глаза. Но не спешил. Происходящее внутри было во много раз интереснее и... важнее?

Всё началось с приступа. Немногочисленные объекты чёрной комнаты померцали, но вместо того, чтобы меня ослепить, пригласили внутрь. И я последовал за ними. Внутри я увидел энергетический сгусток, а точнее его полую оболочку. В первые мгновения я спутал его с мозгом, но вскоре понял, что ошибался. Это было нечто другое. Нечто принадлежащее мне, но то, что нельзя потрогать. Должно быть, я смотрел на сосуд или ёмкость с энергией. Прозрачный и пустой.

Он походил на планету или какой-то другой космический объект. Один из тех, что я видел в книжке по астрономии.

Там их обычно рисовали в три четверти, с одной вырезанной четвертинкой, а в сечении отмечались слои: ядро, мантия, кора и так далее. Сосуд, на который я смотрел, был схож со структурой небесных тел. Он был идеально круглым и состоял из пяти слоёв, начиная небольшим ядром, размером с вишню, и заканчивая четвёртой оболочкой, размером с грейпфрут. Кажется, мастер нарушил привычную систему. Иначе как объяснить, что я видел энергетический сосуд, который был скрыт от меня шестнадцать лет?

Тем не менее заботился я о другом. Тот фиолетовый шар из рук мастера. Он проник в меня и, словно метеорит или комета, приближался к сосуду. Столкновение было жёстким. Теперь я понял, почему ребята содрогались и задерживали дыхание. Когда комета достигла поверхности, меня всколыхнуло, будто ударом электрошокера. Комета прорвала поверхность и, разбрасывая в космос осколки, погрузилась внутрь.

Сосуд был прозрачным и полым, а потому фиолетовая масса расплескалась по нему, словно чернила в банке с водой. Большая часть капель осталась на четвёртом слое. Чуть меньше половины пробрались на третий. Третья часть пробилась на второй, и только горсть достигла первого слоя. Единичные частицы ударили в стенку ядра и остались на ней размазанными пятнами. Ядро уцелело.

Пару минут я наблюдал, как фиолетовая энергия расплзается по слоям и загрязняет мою сферу. Наружу меня вырвал голос мастера.

– Встаньте! – приказал он, и я снова выполнил команду в противовес своему желанию. – Идите в дом!

* * *

По дороге к гостевому дому мы молчали. Меня штормило и трясло. Я ощущал себя как при температуре сорок. Жар, озноб, холод, тошнота, валящая с ног слабость. Ребята пошли вперёд, а я тащился сзади, еле переставляя ноги. Могли бы и подождать, нет? Они вошли в дом, закрыли за собой дверь, а я проковылял только половину пути.

Когда до двери оставалось метров двадцать, я всё-таки решил передохнуть. Хоть цель, казалось, и совсем близка, без передышки мне грозило просто-напросто грохнутья лицом в траву. Дал себе тридцать секунд и заглянул в сферу.

Пока меня не было, что-то изменилось. В прозрачной жидкости моего сосуда теперь плавал не только фиолетовый цвет, добавился оранжевый. Подобно ржавчине, он едва заметными крапинками просачивался на фиолетовых пластах, а затем разрастался до лужиц или даже озёр. Если моё состояние напрямую зависело от происходящего в сфере, то ничего хорошего ждать не стоило. Там заваривалась редкостная каша-малаша...

Пересилив желание присесть на траву, я добрался до двери и вошёл в дом. Первое, что мне бросилось в глаза – обувь. Прежде обувная полка была пустой, потому как парни разгу-

ливали по дому в кедах и кроссовках. Сейчас же обувь ровными рядами стояла на полках. Если бы мне пришлось снимать свою обувь, я бы отдал этому последние силы. К счастью, размазня Сергей и психованный Стас не позаботились о моих кроссовках, и я до сих пор щеголял в носках.

Для приличия вытер ноги о коврик и прошёл в гостиную. Парни сидели плюс-минус на тех же местах, разве что позы их изменились и... лица. Они держали прямо спины, словно пришли на важное собеседование, и выглядели слишком задумчиво. Без постоянного гундежа Кирилла в доме было слишком тихо, а Камень не разбавлял тишину дебильными шуточками.

– Что это было? – выдавил я.

– Мы получили частичку Икса, – с непривычной серьёзностью сказал Кирилл.

– Мы стали частью Ордена, – продолжил Федя.

– Икс стал нашим богом, – добавил Денис.

– Склоним в его честь головы! – закончил молитву Юра.

Парни, что сидели за столом, дотронулись лбами до столешницы, на которой был нарисован чёрный «X». Федя приложил голову к подоконнику, а Камень не побрезговал и наклонился к полу.

По правде сказать, на символику я прежде не обращал внимания. Дизайнер потрудился на славу. Ненавязчиво вплёл почти в каждую деталь интерьера две перекрёстные чёрные линии. И только теперь я начал их замечать. Икс был

на полу, на стенах, шёл через окна, показывался там, где его не сразу и заметишь. Например, одну половину чёрного икса образовывало основание лестницы, а вторую часть дополняла линия на стене. Чтобы увидеть такой икс, нужно смотреть либо с улицы, либо вплотную подойти к стене с четырьмя окнами.

Охреневая от увиденного, я сначала проглотил слюну, а затем улыбнулся. Они специально пораньше пришли в дом, чтобы меня разыграть? Улыбка слезла с моего лица, когда я словил на себе пять пар недобрых глаз. Ей-богу, чтобы так сыграть гнев и презрение, каждому из них понадобились бы актёрское образование и приличный опыт. Пацаны жгли меня взглядами и кривили губы, пока я не сообразил, чего они ждут.

Нашёл на полке поблизости чёрный икс, ткнулся в него лбом и отвёл от себя угрозу. Кажется, почти всех это устроило, кроме рыжего Юры. Он по жизни выглядел серьезнее и ответственнее других. Не потому ли дольше всех на меня пялился? Лишь спустя полминуты он отвёл свой прицел ненависти и отвлёкся, чтобы набрать воды.

У меня появилось крохотное окошко, чтобы перевести дух. И я подумал, что за говно тут происходит?!

* * *

Понимая, что веду себя подозрительно, по крайней мере

на фоне зомбированных пацанов, я сделал себе чай и сел рядом с Федей на диван, так, чтобы видеть окно и большую часть газона между гостевым домом и основным.

Пацаны по большей части молчали. По правде сказать, меня это дико напрягало, а моментами пугало. Шесть подростков сидели в одной комнате с серьёзными минами, и никто из них не смел заговорить о случившемся. Кирилл, который прежде мусолил любую фигню, держал рот на замке и задумчиво поглядывал то на потолок, то на лестницу. С ним точно что-то случилось, иначе бы у него разорвался рот сдерживать в себе такое.

– Кадам сказал, что завтра нам принесут книги, – вдруг сказал Федя.

– Скорее бы, – ответил Камень. – Мы многого не знаем.

– Икс нас не разочарует! Склоним головы!

На выкрик Юры ребята отозвались поклонами. На этот раз я повторил качественнее, и Рыжий смотрел на меня всего секунд десять.

Медленно, но моё состояние приходило в норму. В относительную норму. Меня всё ещё трясло и знобило, но я чувствовал, что сил подняться на второй этаж у меня хватит. Посмотрел в окно. С этого ракурса я видел каменную дорожку, которая петляла в траве и увиливала вниз к воротам. На ней никого не было, как и на небольшой площадке напротив основного дома. Если найти обувь и хорошенько втопить, то долететь до ворот получится секунд за пятнадцать. Но пока

топить было нечем, нужно было набраться сил...

* * *

В полумолчаливом тупняке мы просидели несколько часов. Я буквально рычал от желания подняться наверх и закрыться в комнате, но вид ребят меня настораживал. Они странно смотрели друг на друга и особенно подозрительно пялились на меня.

К счастью, первым сдался Федя, поднялся наверх. Он ушёл вдаль по коридору на втором этаже, значит, мне осталась единственная свободная комната у лестницы. Плевать. Я обрадовался бы и кладовке, и туалету, лишь бы побыть одному. Следом за Федей наверх поднялся Рыжий, за ними последовал я.

Никто из парней не выглядел страдающим. Они чувствовали себя хорошо. Бодро разговаривали и живенько передвигались. Я посчитал, что им не стоит знать о моих проблемах со здоровьем, потому поднялся наверх спокойно и непринуждённо, хотя на самом деле дрожал и впивался рукой в перила до белых костяшек.

Закрыв за спиной дверь, покачиваясь, добрёл до кровати и рухнул. В гостиной я не смотрел в сферу, боялся. Не закатываю ли я зрачки во время погружения? Не выгляжу ли бездушным роботом? Оказавшись в комнате, я первым делом утолил интерес.

За несколько часов картина сильно изменилась. Если раньше фиолетовые сгустки казались полноправными владельцами сферы и покрывали больше семидесяти процентов объёма, то сейчас восстание оранжевых давало им бой. Из крохотных точек, луж и озёр складывались первые армии и давали отпор захватчику. Особенно сильно доставалось фиолетовым сгусткам, отбившимся от основных сил. Стоило самой крохотной оранжевой точке, размером с дырочку от иголки, появиться на поверхности фиолетового сгустка, как всего за полчаса весь кусочек становился оранжевым.

Удивительно, но химические или энергетические столкновения пятен разных цветов очень сильно походили на сражение. Особенно наглядно это показывали собравшиеся группки оранжевых, которые теснили фиолетовых на третьем слое сферы, выгоняя их через пробойину обратно на четвёртый. А ещё, присмотревшись, я заметил, что оранжевые пятна появились в ядре и залепили собой внутреннюю стенку, на которой с наружной стороны налипли фиолетовые капли. Точно линия фронта перед столицей, которую союзники не намерены были отдавать без боя.

Не знаю, насколько верны были мои предположения, но... Что-то подсказывало мне, что я не стал таким же зомбированным из-за чистого ядра. Мастер запустил в нас фиолетовую энергию, частичку Икса, намереваясь захватить ядро, а значит, подчинить этой энергией. Моё ядро оказалось крепче? Возможно, но не стоит забывать и про возникающие

оранжевые стуктики. Судя по моим наблюдениям, чем больше сражений выигрывали оранжевые, чем больше захватывали территории, тем лучше я себя чувствовал. Почему же энергия парней не борется с фиолетовой энергией?

Будь моя воля, я просидел бы в комнате сутки или неделю, но к вечеру до рези в животе захотелось есть. Во-первых, за весь день я сунул в себя лишь пару печенюх с чаем, а во-вторых, чувствовал, как силы из меня черпает проходящее в сфере сражение. Тянул до последнего. Вышел из комнаты около десяти, когда истощение грозило потерей сознания.

По счастью, в гостиной никого не было. Я открыл холодильник, сунул в рот сосиску и принялся разворачивать плавленый сыр. Разгрузив холодильник на добрый килограмм, я потянул за ручку и точно, как в фильме ужасов, дёрнулся, увидев за дверью Рыжего.

– Проголодался?

– Да, – ответил я и сглотнул собравшийся ком еды.

– Нужно валить отсюда.

– А?.. – услышав слова Юры, я внутренне глубоко выдохнул.

– Можем уйти хоть сейчас, хочешь?

– Разве? – я развернулся и посмотрел в окно, где в полной темноте виднелся чёрный силуэт основного дома.

– Иксы – это всё бред полный, согласен?

– Не знаю, – наводящие вопросы Рыжего показались мне странными.

– Думаешь, у нас получится сбежать?

– Не уверен, что хочу убежать.

– Почему?! – он скривился в приступе злости, как в тот раз, когда я плохо кланялся Иксу. – Побежали!

Скользнув взглядом по столу, я увидел лежащую на столешнице руку Рыжего, которой он сжимал нож. Затряслись руки, в глазах зарябило. Часть меня порывалась отдаться приступу и скользнуть к сфере, но с помощью дыхательных упражнений и расчётов победила другая.

– Икс будет не рад, услышав твои слова, – сказал я.

Рыжий не ответил. Повёл рукой, царапнув лезвием по столешнице, и замер. Смотрел на меня и молчал. Затем с силой швырнул нож в раковину и пошёл наверх.

* * *

Утром я первым делом заглянул в сферу. Мне легко дышалось и ясно мыслилось. Примерно так же хорошо шли дела и у сферы. Две трети фио летовых сгустков были уничтожены, а вернее – захвачены оранжевыми. Первый, второй и третий слои были полностью вычищены, а на четвёртом велась неравная битва. Оранжевые окружили фиолетовых. Часть захватчиков погибала от сражения, а другая улетала сквозь внешнюю дыру в сфере и исчезала в пространстве небытия. Дыры между первым и вторым, вторым и третьим, а также третьим и четвёртыми слоями восстанавлива-

лись. Пока что они выглядели ненадёжными и слишком мягкими, словно целлофановая плёнка на автомобильной двери вместо выбитого окна, но то было временно.

Силы возвращались, а значит, нужно было думать о победе. Рыжий прилип накрепко. Не отлипнет. А если и остальных настроит против меня...

Спустился в гостиную. Парни были уже там. Каждый из них держал в руке глянцевую брошюру, ещё одна лежала на столе и предназначалась мне. Чёрный прямоугольник, перечёркнутый белым крестом, а посередине – фотография. Мужчина сидел в винтажном кресле, положив на подлокотники руки и сверкая перстнями. Нога закинута на ногу, приподнят носок туфли. Стены отделаны деревом, коричневые деревянные полы, костюм... Объекты на фото намекали на старость снимка, однако его качество говорило об обратном. Пару сотен лет назад, когда в моде были фраки и туфли с острыми носами, о качестве фото с таким разрешением и цветопередачей могли только мечтать. Значит, снимок современный, а мужик на фото... устраивает маскарад?

Глянув ему в лицо, я забрал свои слова назад. Острый, как у ворона, нос, вытянутый подбородок и узкие полосы-брови. Глаза мужчины пронзали смотрящего холодом и силой. Лет ему было под полтинник. Судя по позе и предупредительному изгибу губ, жизнь его только начиналась. Подпись: Икс Аким – основатель Ордена Иксов.

В настоящее время ордены, кланы и другие могуществен-

ные сообщества создавались по принципу крупных компаний. Семья или группа людей набирала определённую силу, власть, богатство и заявляла о своей эксклюзивности, превознося себя и своих окружающих если не до королей, то самое малое – знати. Быть членом ордена или клана значит попасть в немногочисленную элиту. Прорыв туда обозначает выход на следующий уровень и доступ к скрытым ресурсам. Но так было не всегда.

Всё началось с Мировой гражданской войны, во время которой одним людям пришлось объединяться перед другими. Понятия врагов и союзников размылись, поэтому в первую очередь доверие оказывали семье. Сильные семьи набирали власть и расширяли влияние. Самые сильные впоследствии назвались кланами. Окончание Мировой гражданской войны означало возврат к правовому режиму, миру и законности. Многие кланы тогда и возглавили новые страны.

В интернате мы изучали историю Мировой гражданской войны, но я не особо её любил. В общих чертах представлял, из-за чего всё началось, где проходили самые массовые сражения, и мог бы пересказать десяток невероятных поступков. Проходи война между странами, одна из сторон назвала бы такие поступки героическими, но так как шла война одних обезличенных людей против других, там не было ни сторон, ни хороших, ни плохих. Впрочем, как не было проигравших и победителей...

Под фотографией содержался текст. Жалкий отрывок в

три абзаза, да и те не несли никакой информации. Я читал много разных статей, исследований и просто интересных топики. Постепенно набрался опыта и научился различать что-то стоящее от пролитой на экран воды. Стоило прочитать парочку предложений вначале и ещё одно в середине, чтобы понять – стоит ли статья моего внимания и времени или нет. В тексте Иксов не было ничего конкретного.

Первый абзац описывал жизнь Икса Акима и восхвалял его за создание Ордена. Во втором абзаце автор щедро хвалил Иксов за огромный вклад в военные сражения и приписывал им победу над неизвестными врагами. Заканчивался отрывок призывами служить Иксам, потому что в ближайшем будущем они приведут своих последователей к райскому процветанию и подарят безграничную власть.

Я пробежался по тексту два раза и пришёл к выводу, что листовка – не что иное, как банальная пропаганда. И что самое интересное – она работала. По крайней мере, действовала на парней, в которых мастер под завязку напихал фиолетовой бурды. Они вслух перечитывали некоторые предложения, отдавали почести Иксам и чуть ли, не пуская слюни, смотрели на Икса Акима.

Подозрительный взгляд Рыжего так и скользил по мне, куда бы я ни сунулся. Сляпав себе бутерброд и приготовив чаю, я ходил по гостиной и извивался, чтобы без палева посмотреть в окно, но ничего не вышло. Лучшие места на диване были заняты.

После завтрака я первым ушёл наверх. Нужно было собраться с мыслями и что-то придумать. Чем больше я буду медлить, чем сложнее будет выбираться.

Окно комнаты выходило на забор и ряды высаженных сосен. Створка не открывалась, поэтому высунуться и посмотреть, как обстоят дела у входа, не получилось. Одно время я распахивался и подумывал ломануться вниз. Спуститься по лестнице, открыть дверь и погнать к забору, а там уж будь, что будет. Вовремя остановился. Убежать за забор ещё не означает убежать от Иксов. Если Рыжий сам меня не догонит, а он, скорее всего, попытается, то быстро настучит Чёрной Рубашке или кому-то ещё. Каковы мои шансы скрыться за городом от сошедших с ума олигархов? Пожалуй, невысокие.

Так ничего и не придумав, я упал на кровать и обратился к сфере. Оранжевая энергия почти полностью вытеснила фиолетовую и вернула мне силы. Более того, временами мне казалось, что наполненность этой энергией даёт что-то сверху. словно оранжевая энергия – это не просто побочный продукт переработки фиолетовой энергии, а нечто другое. Не понимая, с чего бы это пришло мне в голову, я пригляделся к отбившемуся оранжевому сгустку и попробовал его толкнуть. Не вышло. Я постарался сильнее. Ничего. Напрягся изо всех сил и... ничего. Он разок дёрнулся, но его движение ничем не отличалось от того, чем все оранжевые сгустки занимались в свободное время. А вот голова разболелась

знатно. Минут пятнадцать стреляло в висках и болезненной дрожью разносилось по всему телу...

В середине дня в гостиной стало громко. Гремела мебель, столовые приборы, парни разговаривали на повышенных тонах. Затеяли праздничный ужин? Если так, то у меня появился отличный повод поглазеть в окно. Я накинул пропахшую бензином кофту, на тот случай, если выдастся момент бежать прямо сейчас, и спустился.

От увиденного на затылке поднялись волосы...

Стол, диваны, стулья и кресла беспорядочной кучей стояли в углу, а покрывал их наполовину скрученный ковёр. Центр комнаты освободили и... творили какую-то дичь! Раздетые до пояса пацаны сидели задницами на полу. Все они от шеи до пупа были измазаны кровью, трое из пяти держали в руках кухонные ножи. Их общая кровь смешалась в красную размазную оттенков на полу, а у каждого на плече кровоточил свежесрезанный знак – круг с Иксом внутри.

– Что вы делаете?! – спросил я.

– Отдаём почести Иксу! – ответил Рыжий, завершая «рисунки» на худощавой груди Камня.

– Раны зарастут, и боль пройдёт, – сказал Кирилл. – А шрам останется на всю жизнь. Это ли не подтверждает нашу преданность?

– Бля... – всё, что я нашёлся ответить.

– Остался ты! – буркнул Рыжий и вытер окровавленный нож о штанину.

– Вам кто-то сказал так сделать? – я попятился к двери.

– Это я придумал, – ответил Юра.

– Ясно, – я взялся рукой за стенку и посмотрел в коридор, чтобы прицелиться и на что-нибудь не налететь.

– Но я спросил разрешения у Кадама, – продолжил Юра. – Он одобрил. Если не веришь, можешь сам у него спросить. Он стоит за дверью.

Как будто что-то тяжелое упало на грудь. Из-за накатившей паники стало труднее дышать, я поднял глаза на лестницу и судорожно начал придумывать предлог, по которому мне срочно нужно вернуться в комнату.

– Докажи! – Рыжий ткнул себя ножом ниже вырезанного символа.

– Хорошо... вот только...

– Что?

– Поднимусь на пару минут в комнату, кое-что сделаю и сразу...

– Видите?! – Рыжий поднялся, обращаясь к остальным. – Он не предан Иксу!

– Послушай, Юра...

– Голосуем! – крикнул Рыжий, брызнув слюной на пол.

Почти одновременно парни подняли окровавленные руки, Рыжий поднял нож.

– Вот и отлично. За предательство Ордена мы приговариваем тебя к смерти! – Рыжий переложил нож в правую руку и направился ко мне. – Приговор вступает в силу прямо

сейчас!

Глава 7. Сфера

За последние двадцать четыре часа я испытал столько стрессовых ситуаций, что все не упомнить. Однако они прошли без приступов, если не считать случившегося в комнате Прозрения. Но ведь в конечном счёте именно приступ привёл меня к сфере. Совпадение? Что, если мои проблемы со зрением или панические атаки, как их обозвал доктор, не были приступами? Что, если всё это время я чувствовал что-то другое, но намеренно гасил?

Рыжий приближался, покачивая окровавленным ножом. Я повернул голову влево – там свобода и дорожка к воротам, но на пути стоит Чёрная Рубашка. Посмотрел направо – лестница наверх. Выбирать не из чего.

Я ломанулся вправо, но Рыжий будто этого и ждал. Он перерезал мне путь к комнате, едва я оторвал ногу от пола. Взмах ножа, скользящий звук кофты, и что-то мокрое стекает по рукаву.

Спустя пять секунд накатила обжигающая предплечье боль, но прежде я засмотрелся на оставленный в воздухе след. Вместо привычного красного шлейфа, который подсвечивал удары людей с энергией воздействия, я увидел помесь красного с фиолетовым. Будто двухцветный флаг мелькнул в воздухе и исчез. Кажется, мастер не только зомбирова́л парней сказками про всемогущих Иксов, но и наделил их допол-

нительной силой. Такое разве возможно?!

– Я сразу тебя раскусил! – оскалился Рыжий. – Ты даже не удосужился дотронуться головой до перекрестья, отдавая почать Иксу! Мерзкий предатель!

Не дожидаясь, когда Рыжий ударит ещё раз, я встал ногой в мусорное ведро и швырнул его. Обёртки от еды, пластиковые контейнеры и обрезки курицы прилетели Рыжему в грудь, а подбородок обрызгал кефир из недопитого пакета. Я сделал ложный бросок вправо, куда сбитый с толку Юра и полоснул, а сам обошёл его слева, толкнул в стену и взбежал вверх по лестнице. Ступая на последнюю ступеньку, я почувствовал, как что-то ударило в спину. На миг заняло дыхание. Обернулся. Рыжий поднимался по лестнице, а внизу стоял Кирилл с вытянутой в мою сторону рукой.

– Наверх! – взревел Рыжий, и Иксы последовали его приказу.

Я ввалился в комнату, закрыл дверь и повернул замок. В глаза непривычной резкостью ударили предметы: шкаф, тумба, настольная лампа. Я постарался как можно быстрее избавиться от приступа. Начал считать, но формы и цвета мебели наоборот – становились вся ярче, острее, агрессивнее. Ещё немного – и я не смогу различить ничего в общем хаосе смешавшихся предметов.

Повернулся к окну. Построил мысленный маршрут: два шага по полу, прыжок на кровать, подоконник, левая створка. Спустя секунду приступ накатил с необычайной силой.

Когда-то давно что-то похожее случилось со мной в интернете, но каждый раз такие приступы заканчивались потерей сознания. В этот раз я почти ничего не видел, но продолжал думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.